

МАРИЯ ВИНОГРАДОВА

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА

ИСКРЫ ЧЕРНОГО ПЛАМЕНИ

12+

Мария Виноградова

**Тёмные времена II.
Искры черного пламени**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Виноградова М. В.

Тёмные времена II. Искры черного пламени /
М. В. Виноградова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-07361-6

Зло кроется в человеческих душах, и порой заметить гниль, тяжким недугом охватившую сердце, очень сложно. К чему может привести жажда мести и власти? Чем придется расплачиваться за желание взять судьбу в свои руки? Задача Темного императора проста — провести неофициальные переговоры с королем Светлых земель, связанные с рядом провокаций на границе Империи. Но на его пути слишком много боли и смерти — так происходит, когда врагом становится тот, кто готов двигаться вперед, несмотря ни на что. В оформлении обложки использована иллюстрация "Искры черного пламени". Автор Grey Evil Owl.

ISBN 978-5-532-07361-6

© Виноградова М. В., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ПРОЛОГ

Глухо бухнула дверь неподалеку, и император напрягся – так передвигаться по замку мог только его советник, когда у него были какие-то крайне важные новости. Он успел только вздохнуть, зарываясь пальцами в огненную шевелюру, как на пороге кабинета возник раздраженный и крайне озабоченный амисто.

– Латгардис, – он положил на стол перед ним свернутое в трубочку послание. – Это больше терпеть нельзя. Даже во имя мира.

Правитель Темной Империи неторопливо развернул бумагу, пробежался глазами по строкам и нахмурился. Вэриний, его приближенное лицо и лучший друг, никогда не ошибался в своих прогнозах.

– Опять нападение, – мужчина поднялся, сжимая кулаки, и отошел к окну, пытаясь успокоить подымающуюся в душе ярость. – Рыцари Сияющей Звезды?

Беловолосый темный эльф только молча кивнул. Этот орден был настоящей головной болью Темной Империи. Поборники справедливости, считающие территорию соседнего государства рассадником зла и Тьмы, не гнушающиеся ничем и совершающие регулярные набеги на приграничные поселения и деревни. В маленькие городки, имеющие хоть небольшой гарнизон, эти ублюдки еще не совались – то ли побаивались, то ли пока не настолько осмелели. Переговоры с королем Светлых Земель ни к чему не привели. Монарх просто не смог удержать в узде распоясавшихся рыцарей, которые быстро свернулись и ушли в подполье, теперь предпочитая действовать исподтишка. Вэриний подозревал, что кто-то из верхушки не только выделяет средства на содержание ордена, но и отдает приказы, являясь неформальным лидером, и Латгардис был склонен с ним согласиться. Но пока никого из высокопоставленных аристократов Светлых Земель не удалось поймать за руку. Или хотя бы выяснить, кто же стоит за всеми этими нападениями, являющимися ничем иным, как провокацией.

– Собирай мобильный отряд, – коротко приказал император.

Советник рвано поклонился и исчез за дверью. О личной императорской гвардии, состоящей из малочисленных и крайне редко встречающихся оборотней, ходили как легенды – в Темной Империи, так и совершенно жуткие сказки – в Светлых Землях. Люди с головами волков, быстрые, как ветер, и во много раз сильнее даже самого тренированного человека, они перевоплощались в боевую форму без малейших трудностей и боли, свойственных для полного изменения у вервольфов и перевертышей, и тогда их было практически невозможно остановить. Беззаветно преданные, бесстрашные в бою, они не чувствовали боли и страданий, погибали без сожалений и наводили ужас одним своим появлением на полях сражений – более грозного противника стоило еще поискать.

На выполнение приказа много времени не понадобилось – ввиду участвовавших провокаций на границах мобильные отряды были всегда наготове, и советник, раздав необходимые распоряжения, вернулся в свой кабинет. Через открытое окно слышались короткие, хлесткие приказы, ржание лошадей и бряцание сбруи – сопроводительный отряд был уже готов. Амисто прошел вперед и замер у открытой створки, внимательно наблюдая за человеком с пламенными волосами в полном боевом облачении, легко взлетающим на рыжего жеребца, приплясывающего на месте от нетерпения. Движения императора были свободны, стремительны, порывисты, и темный эльф нахмурился, несколько переживая за своего друга – неизвестно, с чем им придется столкнуться. Однако Гард был отличным воином и прирожденным тактиком, так что тем, кто посмел нарушить границы и причинить вред жителям Темной Империи, смертный приговор был уже подписан.

Командир сопровождения, дождавшись одобрительного кивка от Императора, махнул рукой, тяжелые створки замковых ворот Цитадели дрогнули, открываясь, и конный отряд про-

летел по подъемному мосту под дробный перестук копыт. Советник проводил их взглядом и со вздохом вернулся к бумагам.

ГЛАВА 1

Стылая тишина позднего вечера дрогнула, когда тихий свистящий звук прорезал неподвижный воздух, прокатился по полосам тумана, стелящегося по самой траве и оставляющего капельки влаги на тонких побегах, и помчался вперед, огибая деревья и нарастая с каждым мгновением. Глухим щелчком хлыста ударил, въедаясь в уши, и следом загрохотали копыта: из едва заметного марева, раскрывшегося, словно бутон диковинного цветка, вылетел конный отряд. Поднимая пыль и безжалостно сминая сочные стебли, всадники пронеслись по затихшему в предчувствии недоброго лесу и свернули с бездорожья на укатанную сотнями колес широкую тропу.

Латгардис чуть придержал рвущегося вперед жеребца и перевел дух. Проход через «червоточины» всегда был для него испытанием, потому что именно в этих местах ткань границ мира истончалась, и императору, тесно связанному с Госпожой Тьмой, приходилось очень нелегко – давление Изначальной Силы возрастало во много раз, причиняя сильную боль. Амулет, однажды подаренный ему Рином, облегчал муку, но все равно рыжеволосому мужчине приходилось стискивать зубы и вцепляться в луку седла, чтобы сдерживать рвущийся наружу стон. Однако другого пути, столь же короткого и позволяющего оказаться на другом конце Империи в столь невеликий срок, не было.

«Червоточинами» Темные Земли были испещрены, как кротовыми норами: у Гарда в кабинете висела огромная карта со всеми отмеченными входами и выходами, но тоннели не всегда были стабильными. Очень часто случалось так, что точки выхода менялись и забрасывали неудачливых путешественников куда-нибудь в противоположном направлении. Но несколько «червоточин» уже на протяжении десятилетий действовали исправно и потому приобрели стратегическое значение: давали возможность летучим отрядам прибывать на места нападений в считанные часы и не позволяли агрессорам уйти далеко. В этих местах пространство сжималось, схлопывалось в четко направленную прямую и становилось незаменимой короткой и тайной тропой, потому что найти точки входа, не зная наверняка, где они находятся, не представлялось возможным – разве что только случайно. Но тот, кто по стечению обстоятельств попадал в «червоточину», почти не имел шансов выбраться оттуда целым и невредимым: всего несколько мгновений перехода могли лишиться разума взрослого человека или нелюдя, воздействуя напрямую на его жизненную ауру и подпитываясь от нее. Для воинов и тех, кто пользовались такими путями постоянно, лучшие маги долго разрабатывали защиту, привлекая к этому процессу крайне недовольных таким положением дел темных шаманов – те плевались и ругались, но, тем не менее, сознавая всю важность и практическое значение подобных переходов, все-таки помогли.

И сейчас широкие браслеты на запястьях императора, равно как и всех воинов из отряда, едва заметно светились, оберегая хозяев. Надолго бы их не хватило – только на быстрый переход туда и обратно, но большего Латгардису и не требовалось: только лишь догнать тех, кто принес смерть на его землю. Догнать и уничтожить, вырвать еще бьющееся сердце из груди прямо на глазах умирающего врага.

Ветер донес до них запах, который нельзя было ни с чем спутать: дым и паленая плоть, серая зола и искры, взмывающие вверх от любого неосторожного движения рядом с еще не остывшим пепелищем, что теперь было на месте небольшой приграничной деревни. Обугленные развалины некогда аккуратных домов, провалившиеся крыши, и смерть, лениво переходящая от порога к порогу.

Воины-ругару напряглись, когда витающий в воздухе смрад коснулся чутких носов, и Гард краем глаза заметил, как у нескольких из них, самых молодых, черты лица исказились произвольной трансформацией. Это свидетельствовало том, что они едва сдерживали бушу-

ющую в душе ярость, что душила их изнутри – они были готовы сломя голову броситься вслед за нападавшими и разорвать в клочья, не щадя и не проявляя милосердия. Но император знаком приказал останавливаться и первым спешил – послушный жеребец привычно последовал за хозяином, которому не было даже нужды держать его за повод, потому как животное было прекрасно обучено и искренне привязано к Гарду. Мужчина знал, что рыцари не могли далеко уйти: враги не ведали, как быстро может прибыть летучий отряд, и не торопились, наслаждаясь принесенной в эту деревеньку бедой.

Запах гари витает в воздухе, мешая дышать и въедаясь в дорожную ткань. Еще тлеющие остовы домов то тут, то там с грохотом рушатся и погребают под собой обугленные, изуродованные тела. Я носком сапога переворачиваю тело, ничком лежащее на пороге собственного дома с засевшей под левой лопаткой стрелой. Оперение у нее светлое, с четырьмя полосами на жесткой щеточке, возле дровяка. Наконечник, скалящийся из пробитой насквозь груди – крупный, трехлопастный, со свистулькой и вкраплениями серебра в темном металле.

Мертвец безучастно смотрит в небо мутными, лишенными блеска жизни глазами с вертикальными, змеиными зрачками. Я чуть наклоняюсь, рассматривая заостренное ухо со смешной кисточкой на конце. Перевертыши, рысь или лунная кошка. Снова перевожу взгляд на полые отверстия спереди и с боков наконечника.

Свистящие стрелы. Фирменный знак ублюдков из ордена Сияющей Звезды. Заваливаются, как к себе домой, в приграничные деревеньки, и истребляют «зло» – оборотней, перевертышей, амисто, наг, да и вообще всех, кто, спасаясь из Светлых Земель, бежит под мои знамена.

Трусливые гаденыши. Оборотень заведомо сильнее обычного человека, поэтому нападающие сначала засыпали дома зажигательными стрелами, посеяв панику, а затем перестреляли практически всех – и взрослых, и детей, и даже стариков.

Император поджал губы и закрыл мертвые глаза перевертыша. В золотых радужках вспыхнуло яростное пламя, когда он наткнулся на девочку лет семи, в белой рубашке с расплывшимся алым пятном и обломанным древком стрелы в груди. Молча наклонился, одернул легкую ткань и поднял невесомое тельце на руки. Белокурая головка безвольно мотнулась, светлые волосенки, спутанные, перепачканные в пыли и крови, мазнули по щеке, и мужчина сжал зубы, но в горле заклокотал глухой рык, полный боли. Император аккуратно положил тело рядом с теми, кого принесли сюда его воины – всех погибших от мечей и стрел врага жителей.

– Готовьте костер, – коротко приказал он, отвернулся и медленно прошел мимо дымящихся останков.

Он не хотел предавать огню изрубленные тела – они погибли, ощущая жар, исходящий от пылающих родных домов, чувствовали, как безжалостное пламя вгрызается в кожу и плюет обжигающими искрами. Но оставлять их здесь, без должного погребения... Это непростиительно.

Император наклонился, поднимая с земли зазубренный наконечник, прикрыл глаза, когда вереница образов хлынула в сознание.

– Деда, деда, мне страшно! – отчаянно рыдает четырехлетний мальчишка с растрепанными тонкими волосами и рыжими кисточками на концах острых ушей.

– Тише, Райши, не плачь, – древний старик, утративший возможность трансформации, едва переставляет пораженные подагрой ноги, сжимая в узловатых пальцах слишком тяжелый для него меч.

Мальчик глотает слезы, хватается за подол неподпоясанной рубахи деда и с ужасом глядит за грозными безликими тенями в сверкающих доспехах, мелькающих в отблесках пылающего селения.

Коротко визжит стрела, разрезая воздух зазубренным наконечником, и старик медленно опускается на землю, хрипя и пытаясь вдохнуть горячий воздух пересохшими губами.

Глухо звякает меч, выпадая из ослабевшей руки. И мальчишка заходится в громком, нечеловеческом вопле, размазывает слезы по лицу.

– Кто тут у нас? – перед ребенком вырастает высокая фигура.

Блики яростного пламени играют на серебряном нагруднике и окрашивают семилучевую звезду, высеченную на стали, в кровавый цвет пожарищ.

– Опять выродок перевертышей, – грубо бросает второй, натягивая лук и спуская тетиву.

Неподалеку слышится предсмертный женский вскрик.

– Заканчивай. – Стрелок сплевывает на землю. – Таким тварям не место в этом мире.

И мальчишка обмирает, когда серебряный клинок, хищно вспыхнув, несется к незащищенному тельцу.

Латгардис поднял голову, избавляясь от видения. Коротко хрупнула сталь, осколками разлетаясь в сжавшейся руке, и император, хмуро отряхнув ладонь, пошел туда, где его люди сложили погребальный костер, отдавая последнюю честь погибшим. Что-то настойчиво билось в сознании, пыталось обратить его внимание на какую-то незаметную деталь, что ускользнула от цепких взглядов воинов-ругару.

Мужчина замер, прислушиваясь. Тихо и коротко воззвал к Госпоже Ночи, черпая силу из подставленных ладоней Тьмы, и только тогда услышал тихий плач, сменяющийся надсадным кашлем, скрытый за грохотом обрушивающихся балок и перекрытий. Словно гончий пес метнулся к одному из домов и отшатнулся назад, когда стены рухнули внутрь, складываясь, как соломенный шалаш. Взметнувшееся вверх разбуженное пламя ожесточенно плюнуло в лицо Императору горсти раскаленных углей, дохнуло смертью и вновь загудело, пожирая еще не прогоревшие бревна.

Крышка люка, ведущего в подпол, задымилась, и Латгардис не раздумывал более ни мгновения: от плотных перчаток остались лишь обгоревшие клочья, а кожа на руках пошла волдырями и рваными лохмотьями начала слезать с пальцев, когда император расшвыривал бревна в стороны. Лицо жгло немилосердно, вырвавшийся со стороны язык пламени опалил брови и оставил на щеке длинный ожог, но мужчина словно забыл про боль. И только когда он одним ударом пробил крепкое дерево люка, вытащил из задымленного подпола шестилетнего мальчишку, прижал к себе, закрывая от жара, и выскочил из бушующего огня, силы покинули его.

Пламя разочарованно рявкнуло за спиной, коснулось длинным истаивающим языком укрытой плотной курткой спины и с ворчанием зашарило по обугленным бревнам. Латгардис передал ребенка одному из сопровождавших его воинов и застыл, уперев руки в колени и пытаясь отдышаться. Опаленная кожа горела, сотни крохотных иголок впелись в лицо, заворачивались там раскаленными иглами, а в глазах помутилось. Почувствовав, как его настойчиво поддерживают под локоть, он раздраженно распрямился, едва не завалившись назад, и отстранился. Не настолько ему было тяжело, чтобы принимать чью-либо помощь.

Близость и неразрывная связь с Изначальной Силой даровала мощь, равной которой сложно было найти, но и именно в этом и крылся ее изъян: Гард был награжден даром видеть то, что недоступно многим. Прозрение прошлого и – иногда, – будущего – способность настолько же редкая, насколько и опасная: слишком просто потеряться в образах, заполняющих сознание, слишком легко упустить из рук ниточку, связывающую с настоящим, разрушить самого себя. Через касания к предметам и существам Латгардис мог видеть многое – в основном то, что уже прошло, потому что будущее всегда было настолько зыбким и непостоянным, что полагаться на смутные видения, изредка посещающие его во сне, было бы неразумно.

Мальчик уже пришел в себя и сейчас испуганно зажмурился, вцепившись в штанину ругару и уткнувшись в нее лицом: его била крупная дрожь. Гард присмотрелся внимательнее и с беспокойством увидел смазанные полосы запекшейся крови на детских щеках, а чуть позже

– бурую корку на правой руке мальчишки. Опустился рядом с ним на одно колено, погладил по голове, не обращая внимания на стрелнущую до локтя боль в обожженных руках, и понял – стоящий перед ним ребенок уже стал убийцей. Не его кровь аела на нежной коже, а врага. И спасенный мальчик, еще не до конца поверивший в то, что его жизни больше ничего не угрожает, был на грани трансформации.

Перевертыши получали возможность полностью оборачиваться только к тринадцати годам, когда разум становился крепким и готовым разделять сознание человека и животного. В отличие от тех же ругару, эти оборотни меняли ипостась полностью, превращаясь в того или иного животного. Чаще всего в Темной Империи можно было встретить рысей, лунных кошек, барсов и лисиц, а на Южных Островах поддерживали свой род аниото – перевертыши, переплавляющиеся в огромных дымчато-пятнистых кошек с бритвенными когтями и крепкими клыками. Все дети этого народа, вне зависимости от второй ипостаси, отличались поразительным здоровьем, способностью к быстрому восстановлению и физической силой, превосходящей возможности даже взрослого человека, но этот мальчик, несомненно, уже оборачивался, пусть и частично. Заплаканные глаза с вертикальным зрачком, суженным в тонкую полоску, и острые когти на руках – для защиты своей жизни ребенку удалось преодолеть барьер, что поставила Госпожа Тьма для своих творений. И теперь за ним нужен будет глаз да глаз.

Мальчик тихо шмыгнул носом и крепче прижался к воину. Тот опустил руку и отеческим жестом обнял мальчика за плечи. Получив едва заметный кивок от императора, взял протянутый мужчиной защитный браслет, защелкнул его на испачканном запястье найденьша, ни слова не говоря взлетел на лошадь, посадил мальчишку перед собой и умчался прочь – Гард почувствовал, как дохнула силой раскрывшаяся «червоточина», пропуская воина со своим подопечным на другую сторону. Император развернулся и направился к сооруженному погребальному костру.

Не успел мрачный воин поднести факел к облитым маслом поленьям, как с другого конца мертвой деревеньки послышался полный боли вскрик, и два солдата под руки подтащили к Темному Властелину окровавленного рыцаря Сияющей Звезды. Широкая рваная рана на боку была нанесена острыми когтями – видимо, кто-то из жертв успел частично трансформироваться и ранить своего убийцу.

При виде рыжих волос императора рыцарь хрипло рассмеялся и с вызовом глянул в желтые глаза:

– Жжете мертвецов? Эти чудовища не достойны даже ступать по этой земле! – коротко закашлялся, когда горлом хлынула кровь. – Ты можешь убить меня, но скоро сдохнешь сам! Все вы отправитесь во тьму! Все, до единого!

Рыцарь дернулся, не в силах вывернуться из крепкой хватки держащих его ругару, и плюнул под ноги императору. Латгардис искривил тонкие губы в усмешке, а глаза смотрели тяжело и с мрачной ненавистью в глубине вертикальных зрачков.

– Решили нести Свет, ублюдки? Хорош же ваш Свет, если его цена – жизни невинных, – тихое шипение ничуть не напоминало обычный голос императора. – Сейчас я тебе покажу, что такое настоящая Тьма, которую вы все так боитесь.

Коснувшись щеки парня, рыжеволосый мужчина гортанно произнес короткое слово, и рыцарь, выпучив обезумевшие от ужаса глаза, тонко закричал, срывая связки, и забился в крепких руках солдат, суча ногами и пытаясь куда-то бежать. Он заходился в истошном крике, глядя куда-то в пустоту, а потом обмяк, когда сердце не выдержало испытания, которому безжалостно подверг его темный. Весь ужас, боль от раздирающей внутренности стали и страх потери любимых – все, что испытали жители уничтоженной деревеньки, в единый миг обрушилось в истерзанное сознание рыцаря, выворачивая душу и сжигая в иллюзорном пламени истинного ужаса. Император брезгливо обтер тонкие пальцы, поморщился от боли и приказал

солдатам раздеть мертвеца догола и бросить воронам, ибо он не заслужил быть погребенным после того, что совершил.

Глядя на взметнувшееся пурпурное пламя, возносящее души погибших к тем богам, в которых верил каждый из них, император задумчиво качнул головой, недоумевая, что же сподвигло рыцарей напасть на приграничные территории Империи, да еще и с такой жестокостью. Темные давным-давно отгородились от Светлых Земель, практически не имели с ними контактов, кроме нескольких торговых договоров.

«Когда реальный враг исчезает, сознание начинает губительную войну против иллюзорного, и это станет началом конца, который перевернет сущность Мира».

Латгардис сощурился, вспоминая строки древнего, уже забытого пророчества безумного мага, жившего многие века назад, и сердце глухо и тревожно бухнуло, подтверждая догадки Темного Властелина.

– Выезжаем, – бросил он, взглянул на жирный пепел кострища и сел в седло. – Уже темнеет, рыцари скоро станут беспомощней котят – надо нагнать их до того, как они встанут лагерем на ночь. Негоже заставлять гостей ждать.

Воины сноровисто вскочили на лошадей, выстроились в привычный порядок, заведенный в этом отряде, и вперед умчались два разведчика. Враги были обнаружены через два часа бешеной скачки. Они не особо торопились, будучи уверенными в своей безнаказанности, и передвигались неспешно, берегли лошадей и ничуть не опасались останавливаться на ночлег на враждебных землях. Латгардис с отрядом настигли их, когда те, весело переговариваясь, расседывали коней и готовились ко сну.

Сумерки – самое опасное время, так же, как и часы перед рассветом. Это та самая граница, когда время становится неподвластным Свету, когда Госпожа Тьма вступает в свои права: мягко, крадучись, стелется тихими шорохами по засыпающей земле, шепчет ласковым ветром среди толстых стволов вековых деревьев, тенями струится за спиной, сгущается в чернильные силуэты за спинами беспечных жертв. А в шелке сумерек мелькают фигуры с гротескными чертами измененных лиц – оскаленные клыки влажно блестят в пастьях, а желтые звериные глаза полны ненависти.

– Двадцать пять, из них двое – магистры, – коротко доложил неслышно возникнувший рядом с Латгардисом ругару. – Наши воины на позициях.

Император ухмыльнулся. Внутри все горело от сдерживаемой ярости и желания ощутить, как жизнь врага обрывается под острым лезвием клинка, и он едва заметно кивнул головой.

Рыцари в ужасе повскакивали со своих мест, хватаясь за оружие, когда полный бешенства кровожадный вой прокатился по небольшой поляне, на которой они столь удачно обосновались. Опомниться вторгшиеся на чужие земли не успели – стремительные тени налетели на них, блеснув в отвесах заполошно заметавшихся костров короткими широкими клинками. Схватка, закипевшая посреди леса, больше походила на бойню сродни той, что была устроена в приграничной деревеньке. Коротко рывкали арбалеты засевших на деревьях стрелков, меткими ударами выбивающих противников, тонко пели крепкие лезвия, впивались между сочленениями доспехов и отворяли кровь. Голова кружилась от тяжелого металлического привкуса в воздухе, и ругару обращались полностью, вцепляясь в глотки врагов зубами, отбрасывали мечи в стороны и разрывали на части голыми руками растерянных и не готовых к нападению людей.

Император двигался быстро и уверенно, орудуя двумя длинными изящными клинками, которые чаще можно было встретить у представителей народа амисто – впрочем, этой технике его когда-то обучал Рин. Она прекрасно подходила для внезапных нападений, когда враг беспомощно мечется, и его движения, ответные удары и попытки защититься слишком хаотичны, чтобы рассмотреть хоть какую-то систему в атаках – а именно такое поведение и может сбить с толку, промедление – стоять жизни. Его противники даже не успевали понять, что произошло, до того, как сталь с влажным клекотом вгрызалась в грудь, не давая дышать и двигаться.

Мужчина с волосами, подобными пламени, вихрем пролетел по стану врага, в ярости не задерживал удары, повергал рыцарей одного за другим. До тех пор, пока кажущееся хрупким лезвие не столкнулось со сталью и не брызнуло искрами. Латгардис увернулся от свистнувшего в дюйме от головы меча, отделившись лишь отсеченным клоком волос, кувыркнулся, пропуская над собой торопливо выпущенный арбалетный болт, и взвился на ноги, разворачиваясь к противникам.

– Не ждали вас так рано, – насмешливо отметил один из них, высокий, широкоплечий, темноволосый, со смуглым лицом и холодными серыми глазами.

Император ничего не ответил – нет смысла затевать разговоры с теми, кого ты собираешься убить. Слова протягивают между противниками незримые нити, которые в самый решающий момент могут помешать нанести удар.

– Неужели император так разгневан потерей жалкой деревушки, что послал вслед за нами ругару? – хмыкнул второй, чуть пониже, но коренастый и светловолосый, с теплыми темными глазами, не подозревая, что и так видит перед собой Темного Властелина.

У обоих на наплечниках красовались изображения шестиконечных звезд, окаймленных дрожащим маревом пламени. Латгардис шагнул вперед, под занесенные мечи, крутанулся, пригибаясь и ударяя противников по ногам. Темноволосый отшатнулся назад и едва не потерял равновесие, но все же смог выправиться, а его товарищ легко взвился в прыжке. Гард почувствовал легкое движение воздуха и отдернул голову – на скуле заалел тонкий порез, оставленный метательным ножом противника, но Император бросился прямо под удар, повернул кисть, когда мечи со скрежетом столкнулись, и клинок врага отлетел в сторону. Светловолосый с руганью отскочил назад и зашарил в поисках чего-то по карманам под прикрытием своего напарника.

Полыхнувшая вспышка резанула по привыкшим к сумерку глазам острой болью и ослепила на краткое мгновение, а когда Латгардис снова смог видеть, он заметил только остывающий след «червоточины», только что захлопнувшейся за спинами врагов. Досадливо зарычал и огляделся – из всех рыцарей удалось уйти только двоим магистрам, остальные были перебиты, и ругару, принявшие вновь человеческий облик, ходили между окровавленными телами и добивали еще живых врагов. Удачливые противники явно использовали один из артефактов, позволяющих на несколько мгновений открыть проход – конечно, если место для этого приспособлено. Но об этом они не могли узнать без помощи того, кто бы знал все месторасположения «червоточин» как свои пять пальцев. А значит – рыцари Сияющей Звезды имели здесь, на территориях Темных Земель, союзника. Не говоря уж о том, что они точно использовали амулеты защиты, разработанные в Империи – Латгардис успел заметить знакомое мягкое мерцание заговоренных камней в браслетах, таких же, как сейчас красовались на нем и воинах его отряда.

– Проклятье, только этого мне не хватало, – пробурчал себе под нос Гард, легким движением стряхнул алые капли с клинков и убрал оружие в ножны.

В мыслях мужчина лихорадочно перебирал тех, кому была доступна подробная информация о сетке переходов. Картина вырисовывалась удручающая – несколько магов, приближенных к императору, командиры летучих отрядов, известные своей верностью, командующий войсками Темных Земель, приходящийся Латгардису двоюродным дядей, и Вэриний, советник, старый друг мужчины. И кто-то из них являлся предателем.

Император раздраженно откинул прядь волос с лица и едва не зашипел – обожженная кожа отозвалась на прикосновение болью. Найти перебежчика будет непростой задачей: если он не обнаружил себя до этого времени, то и дальше сможет удачно скрываться. Оставалось только надеяться, что предатель не знает о том, что Темный Властелин догадался о его существовании, и теперь будет внимательно следить за каждым словом и движением тех, кто мог бы подойти на роль пешки светлых.

Ругару стащили всех убитых в одну огромную безобразную кучу, больше напоминающую помойную, и подожгли. Пламя в этот раз было багровым, почти черным, и дым столбом поднимался вверх, на многие мили вокруг оповещая всех о судьбе посягнувших на тех, кто находился под защитой Императора.

Темный Властелин тихо воззвал к Госпоже Ночи, выражая надежду, что ублюдки не найдут достойного посмертия, продолжая мучиться и после того, как их жалкая жизнь прервалась, бросил последний взгляд на дымящиеся останки и направил жеребца в раскрывшуюся «червоточину».

***

Стекло было мутноватым от осевшей на нем пыли, и лучи солнца преломлялись, сеткой разбегаясь по дорожному ковру на полу. В кабинете пахло хвоей, табаком и совсем немного – страхом. Он прятался в незаметных щелях в стенах и выглядывал из-за украшенной искусной резьбой книжной полки.

– Как все прошло? – светловолосый мужчина погладил опрятную, коротко подстриженную бородку и внимательно посмотрел на вытянувшегося перед ним командира отряда рыцарей Сияющей Звезды.

– Как вы и планировали, господин Джодок! – ответил мужчина, и легкая кровожадная улыбка тронула чуть пухловатые губы. – Деревня перевертышей полностью уничтожена.

– Мерзкие твари. – Блондин скривился и со вздохом поднялся. – Один только вопрос, Хайнц. Как ты мог допустить, чтобы отряд ругару вас не только настиг, но еще и застал врасплох?

Рыцарь замешкался, виновато глядя на своего господина.

– Мы были уверены, что информация дойдет до Темного Властелина гораздо позже.

– Мы были уверены, – передразнил его герцог и поджал губы. – У этого рыжего ублюдка служба разведки на высочайшем уровне, не говоря уж о том, что советник – не чета нашему болвану. И я тебя об этом предупреждал. Помнится, приказ был немедленно уходить оттуда, как только закончите. Разве не так? Или, может, ты подвергаешь сомнению мои слова?

– Нет, мой господин, – побледнел рыцарь и даже на шаг отступил в сторону.

Джодок отвернулся к окну и сцепил руки за спиной, задумчиво глядя на площадь перед его особняком.

– Кто-то живым им достался? – едва слышно спросил герцог, и его тон не сулил провинившемуся командиру отряда ничего хорошего.

– Да, Сайрек. Его ранили. – Мужчина судорожно сглотнул – тяжелый нрав герцога Ворракийского он знал не понаслышке и мог себе представить, чем обернется для него недовольство этого жестокого человека. – Один из перевертышей, прежде чем сдохнуть, задел его когтями.

– Где он? – Джодок в упор глянул на стоящего перед ним человека.

– Мы его бросили, как вы и говорили, – по тону рыцаря было понятно, что такое положение дел ему совершенно не нравится, но приказ он выполнил, и теперь с него взятки гладки.

– Отлично. Слабым не место на этой войне. Будем считать, что твой отряд справился со своим заданием, хоть и осталось от него всего два человека. Такого мусора, как вы, на каждом повороте по дюжине. Займись набором, и чтобы к следующей седмице сформировал новую группу. Еще один промах, Хайнц, и ты отправишься на корм псам, – презрительно бросил светловолосый и взмахом руки отпустил быстро исчезнувшего рыцаря, который никак не мог поверить в собственную удачу.

Мужчина опустил обратно в кресло, просмотрел бумаги, сложенные на столе ему для подписи, и задумчиво откинулся на спинку, глядя в потолок.

Проклятая Темная Империя, проклятый император... Его трясло от одной только мысли обо всех этих чудовищах, сосуществующих совсем рядом с ними. И он совершенно не понимал, почему король не искоренит всю тьму, глубоко проросшую хищными корнями в эту

землю, в души этих людей и... нелюдей. И его просто приводила в отчаяние ненадежность людей, которые были в подчинении – кто-то искренне верил в то, что таким образом несет свет заблудшим душам, но большинство из этих отморожков – мародеры и убийцы, которым разрешили грабить и убивать под знаменем добра. Но ведь на войне все средства хороши, разве нет?

Тихий стук в дверь вырвал его из раздумий. Мужчина досадливо поджал губы и едва сдержался, чтобы не рявкнуть на тех, кто решился его побеспокоить. Но он знал, что так просто к нему обычно не стремятся, а значит, дело срочное.

– Войдите, – коротко бросил он.

В кабинете появились двое гвардейцев, крепко держа под руки совсем еще молоденькую девчонку, довольно симпатичную, но одетую в жуткое рванье. Так показалось Джодоку, когда он окинул ее мимолетным взглядом, но присмотревшись, герцог понял – одежда была грубой, но тщательно выстиранной и заштопанной, что говорило об исключительной аккуратности его невольной гостьи. Ворракийский на мгновение задумался, зачем солдафоны притащили ее сюда: обычно, если им кто и приглядывался, развлекались они с привлечшими их внимание в обход разрешения от своего господина. Чаще всего такие девчонки проходили через множество рук, и счастье – а может, и несчастье, – той, если она оставалась жива после того, как ее оприходовали с десятков гвардейцев. Впрочем, гулящих девок в городе было значительно меньше, чем желающих их общества мужчин, а уж цены частенько отпугивали солдат, не имеющих возможности утолить свой животный голод. Поэтому герцог вполне благосклонно относился к тому, что его гвардейцы, чтобы не озвереть окончательно и не нарушить приказы своего господина, изредка развлекались подобным образом. Все равно жалоб на них не поступало.

Джодок понимал, что так относиться к своим подданным – не самый лучший вариант, но ничего поделать с собой не мог. Он ненавидел находящиеся в его владениях как города, так и деревни, селения – все, где были эти людишки, которые, стоило только Темной Империи вторгнуться в пределы территорий Ворракийских, сдались и как лживые шлюхи подстелились под этих исчадий мрака. Не сопротивлялись, предпочитая жить под гнетом нелюдей, чем сложить свои жизни во имя Света. И это при всем при том, что отец делал все для того, чтобы облегчить жизнь своему народу. Будь воля Джодока, он бы просто все спалил здесь, сложил для этих предателей погребальный костер, на который возвел бы их еще живыми. И с удовольствием следил за тем, как они корчатся и воют от боли, а их души покрываются черным, жирным пеплом и падают во Тьму, в вечные мучения.

Да вот только тогда он лишится источников дохода, необходимых для содержания личной армии, необходимой ему по положению в обществе – чтоб в любой момент прийти на помощь своему монарху, и на тайные отряды вроде недавно уничтоженного ругару. Эти хорошо дисциплинированные группы мародеров и убийц, людей без чести и жалости, и жестоких ровно настолько, насколько это требовалось герцогу, он держал ради мести. И выжидал, когда же сможет нанести удар по ненавистным темным. Но цель пока еще была далека. Ради нее нужно было сделать очень многое, и Ворракийский никогда бы не свернул с намеченного пути.

Девушка непокорно сверкала серыми глазами и старалась держать спину ровной, но разбитые в кровь губы предательски дрожали, показывая, насколько ей страшно. Надо признать, мордашка у нее действительно ничего. Как и все остальное.

– В чем дело? – устало осведомился мужчина, глядя на вошедших.

– Ее поймали на краже зерна, – отрапортовал один из вояк, встряхнув девчонку.

У той лишь голова мотнулась, закрывая покрытое синяками лицо спутанными русыми волосами.

– Стараешься для них, ночей не досыпаешь, а эти неблагодарные людишки еще и заставляют тебя с кражами разбираться, – досадливо бросил Джодок. – Зачем ты воровала?

– Зачем? – изумилась девчонка и гордо выпрямилась. – Да ты посмотри вокруг! Мы голодаем, с вашими вымогателями у нас нет и семян для посевов, а значит – нет возможности даже выжить!

– Господин, – коротко сказал один из гвардейцев и наотмашь ударил ее по лицу.

– Господин, – вместе с кровью выплюнула девушка, испачкав дорогой ковер. – Повышаете налоги, обираете нас до последних рубашек – и ждете благодарности? Ее не будет – сдохните, ублюдки!

Последние слова она выкрикнула в лицо спокойно сидящего мужчины.

Он чуть приподнялся, заметив странные зеленоватые искорки, мелькнувшие на серых радужках. Светловолосый встал из-за стола и вплотную подошел к пойманной воровке. Чуть помедлил, а потом с силой ударил ее в живот. Девчонка согнулась, хватая ртом воздух, и по щекам потекли слезы боли и отчаяния.

– В моем городе не будет преступлений, – ровно сказал он. – Мне совершенно неважно, по какой причине они совершены. Не хотите голодать – работайте. Работайте столько, сколько нужно, и не смейте обвинять власти в том, что они не заботятся о вас. Вшивых и совершенно бесполезных шавках, крутящихся у ног тех, кто держит на своих плечах всю Светлую Землю. Как думаешь, сможешь отработать то, что пыталась украсть?

Она с ужасом посмотрела на него, и губы жалко искривились. Джодок смотрел на нее сверху вниз – в его глазах не было ни намек на сочувствие, лишь сдержанное любопытство. Так алхимик смотрит на подопытную крысу, на которой решает проверить свой очередной эликсир.

– С ней был еще кто-то? – поинтересовался он, не сводя задумчивого взгляда с пленницы.

– Да, – коротко ответил один из гвардейцев. – Двое парней. Одного пришлось убить – он пытался напасть на прибывший патруль с кинжалом. А второй ждет вашего решения.

– Повесить его, – распорядился герцог, и солдат кивнул. Джодок заметил, что девчонка молча разревелась: очевидно, тот был ее дружком. – Пусть эта воровка посмотрит на казнь. А после я хочу, чтобы вы с ней развлеклись, как следует. Таким, как она, должно знать свое место.

Вынося такой приговор, он рассчитывал, что девушка повалится ему в ноги и начнет вымаливать прощение, но он ошибся. В расширенных зрачках плескался ужас, она почти задыхалась от страха, прекрасно понимая, что ее ожидает в будущем, кусала губы до крови, но не сказала ни единого слова. Упрямство и готовность идти до конца, но не признать совершенное ею преступлением, поразили герцога и разгневали его. Он жестом отпустил гвардейцев, задумчиво наблюдая, как бессильно обвисшую в крепких руках девушку выволакивают из его кабинета.

Спустя несколько минут с площади послышался шум, и Джодок не смог совладать со своим любопытством: подошел к окну и с интересом проследил за разворачивающимся зрелищем.

Пойманный на краже дружок девчонки выл, рыдал и молил о прощении; кажется, клялся Светом, что больше так поступать не будет и что его вина слишком мала – им не удалось утащить из хранилища ни зернышка, – а потому он не заслуживает столь сурового наказания. Когда ему стало ясно, что решения герцога не изменить слезными мольбами, парень начал плевать проклятиями и призывать кары небесные на голову ненавистного народу Ворракийского. Собравшаяся перед местом казни толпа вопила и улюлюкала: бесплатные зрелища, будь то повешение, четвертование или выступление циркачей, вызывали восторг у этих погрязших в невежестве оборванцев.

Девчонка с посиневшими губами следила за тем, как дрыгает ногами висящий в петле парень. Ему не повезло, шея не сломалась, даровав ему быструю смерть, поэтому он долго еще хрипел, пуская пузыри, а после затих, вывалив язык и обмочившись. Его подружке гвардейцы,

наслаждавшиеся зрелищем не меньше толпы, не дали даже глаз закрыть, требуя смотреть на происходящее до самого конца – таков был приказ герцога, и ослушаться его никто не посмел.

Солдаты, предвкушающие хорошее развлечение и не желающие долго стоять в очереди, дожидаясь своего часа, споро потащили ее в сторону казарм, собираясь от души насладиться подарком герцога. Джодок посмотрел на то, как молча извивается приговоренная девчонка в руках у гогочущих мучителей, потер переносицу и задумчиво пожевал губами. Кажется, упрямую бесовку не удалось сломать, а это уже было весьма интересно. По крайней мере, для него самого. Герцог резко развернулся и быстро покинул кабинет, отчасти надеясь успеть вовремя.

Наверное, девчонка должна была благодарить Свет за то, что он вошел в полутемное помещение именно тогда, когда капитан отряда сорвал с нее одежду и с удовольствием посмотрел на обнаженную жертву, силящуюся прикрыться руками. Эта дурочка либо совершенно не понимала, что обречена и выхода у нее нет, либо просто отказывалась понимать – в неведении и с надеждой жить куда легче. Другая бы на ее месте попыталась бы хоть как-то поторговаться, надеясь вымолить жизнь хотя бы без серьезных увечий. А там, глядишь, ей бы и несколько монеток перепало, если бы смогла ублажить солдат так, как надо.

– Хватит, – кисло произнес Джодок, когда капитан, до хруста сжав запястья девчонки, перевернул ее и уткнул лицом в пол.

Появление герцога вызвало переполох в охваченном желанием отряде: гвардейцы едва не подпрыгнули на месте, а Ворракийский в очередной раз поразился тому, каких болванов он набрал в свою гвардию – промаршируй сейчас мимо них вся армия Темного Властелина, они бы и ухом не повели.

Капитан отскочил от пленницы, как ошпаренный, а слегка оглушенная девчонка завозилась на полу, как слепой котенок. Впрочем, довольно быстро пришла в себя и бросила на герцога такой ненавидящий взгляд, что будь она ведьмой, от Джодока и кучки пепла не осталось бы. К счастью, подобные силы были ей неподвластны, и мужчина, кивком указав на скрюченную жертву, коротко приказал:

– В нижнюю камеру ее.

Капитан разочарованно вздохнул, но после, гадливо искривив губы, рывком поднял воровку с пола и прошептал ей на ухо:

– Кажется, тебя ждет развлечение поинтереснее. Впрочем, потом мы вновь, возможно, встретимся, и я покажу тебе, что значит настоящий мужик. – И коротко и зло взвыл, когда девчонка вцепилась ему зубами в руку, сжав челюсти так, что по коже заструилась кровь.

Удар, которым наградил ее гвардеец, мог бы свалить взрослого мужика, поэтому воровка распростерлась на полу без движения. Капитан поднял ее, как куль с мукой, закинул на плечи и понес в указанное его господином место. Солдаты с явным разочарованием проводили уплывшее из-под носа развлечение, но возмущаться не посмели: отправляться на плаху из-за ничемной девчонки никому не хотелось.

Джодок с удовольствием бросил взгляд на полукружья от зубов на крепкой руке капитана – воровка его не расстроила, поступила так, как и должна была для того, чтобы его интерес к ней не угас. Не сдалась, огрызалась до последнего, и это ему нравилось. Он мрачно окинул взглядом расползающихся по казарме гвардейцев, улыбнулся и вышел вслед за капитаном отряда.

Выпроводив сгрузившего свою ношу на широкую кровать солдата, герцог накрыл девушку тонким одеялом и сел в кресло, подхватив с небольшого столика кубок с вином, который принес расторопный слуга.

Ему нравилась эта комната. Навевала приятные воспоминания, да и чувствовал он себя здесь очень спокойно. Ему было известно, что нижняя камера была построена еще во времена его далекого предка, герцога Устина Ворракийского, чье имя гремело на весь мир грозным рогом войны. Тогда Светлые Земли ощутимо потрепали темных, правда, так и не смогли

одержать неоспоримой победы, но и это было важным достижением – Императору пришлось пойти на серьезные уступки, чтобы прекратить победное шествие соединенной армии Светлых Земель под предводительством его предка. Чье кольцо, кстати, было семейной реликвией и передавалось из поколения в поколение, до тех пор, пока не попало в руки к Джодоку. И сейчас массивный перстень из необычного, светлого, почти белого металла приятно грел правую руку. Крупный гранат, венчающий чудесное изделие, словно светился изнутри: крохотная искра света, блик на воде, заключенный в алую каплю крови – непередаваемое зрелище.

Пленница зашевелилась, потихоньку приходя в себя, и Ворракийский перевел взгляд на девушку. Глаза у той были еще мутноватые – немудрено, после такого-то удара. Она несколько недоуменно обвела взглядом помещение, в котором оказалась, и, кажется, сочла все это сном. Потерла кулачками глаза, почувствовала, что накрыта одеялом, и вцепилась в тонкую ткань, словно та могла ее защитить от всех бед на свете.

– Все ж это было глупо, согласишься, – медленно проговорил герцог, рассматривая рубиновое вино на свет.

В комнате было несколько массивных канделябров с десятком свечей из особого воска, который сумел сделать его личный алхимик: они горели в несколько раз ярче и дольше обычных. Права, стимулировать ученого пришлось тоже весьма серьезно – тот попросил нескольких людей для проведения опытов. Этого мусора у Джодока хватало, поэтому алхимику было позволено самому выбрать себе подопытных из темницы. Тюремщик потом еще долго молился Свету, потому что вопли обреченных на жуткие страдания от изобретаемых пожилым мужчиной ядов, разъедающих плоть, звенели в коридорах почти целую седмицу.

– Разве ты не видишь, что творится вокруг? – тихо прошептала девчонка, еще не верящая в свое чудесное спасение, но уже готовая попытаться убедить своего врага в том, что он ошибается.

– Вижу, дорогая моя, вижу, – с удовольствием протянул Джодок. – Вина?

Она молча помотала головой и скривилась, когда комната закружилась перед глазами. Головные боли еще долго будут мучить эту дурную голову.

– Зачем ты туда полезла сама? – полюбопытствовал мужчина и сделал глоток из серебряного кубка.

Превосходный вкус. Чрезвычайно редкий напиток почти столетней выдержки. Ворракийский был истинным ценителем вин, и в его подвалах хранилось только самое лучшее – даже у короля в запасниках такого было не сыскать.

– Ты могла бы просто подождать своих дружков где-нибудь в условленном месте. – Мужчина поднял бокал и с улыбкой глянул на сжавшуюся на кровати девчонку. – И избежала бы наказания, если бы эти дураки все ж попались. Ты ведь не для себя туда лезла, не свою шкуру спасала, не так ли?

– Что ты об этом можешь знать? – мгновенно изменившись в лице, прошипела она.

Джодок любовался на горящие от гнева и ненависти глаза своей пленницы. Она напоминала ему попавшую в западню дикую кошку: хрупкая, гибкая, непокорная. И сражающаяся до последнего. Такие всегда его привлекали.

– Наверное, ничего, – согласился он. – Я всю жизнь рос, окруженный заботой и толпой бестолковых слуг. – Мужчина скривился от одного воспоминания. – Всю жизнь – словно в клетке. Не мог и шагнуть без разрешения своего отца. Но да, ел я действительно досыта и не задумывался о том, каким будет мой завтрашний день – я не сомневался в том, что будущее для меня непременно наступит.

Девушка поджала губы и ничего не ответила, продолжая сверлить его взглядом, а герцог на мгновение почувствовал удовлетворение от того, что может хоть с кем-то поговорить на эту тему. Пускай и с глупой девчонкой, у которой, кажется, и мозгов-то не было в ее хорошенькой головке. Сидела бы дома, да мужу носки штопала – все меньше бы проблем на свою задницу

собрала. Ан нет, полезла в самое пекло, да еще ихватило ума ей попасться – Джодоку казалось, что мимо его патрулей не то что девушка спокойно проскользнуть может, а целый отряд гремящих латами рыцарей. Что ж надо было натворить такого, чтоб эти болваны заметили воров?

– Сколько тебе надо зерна, чтобы прокормить свою семью? – спросил он, и глаза у девушки недоуменно расширились.

Она не верила своим ушам. До последнего была уверена, что он ее обманывает, что лишь глумиться над ее несчастьем. Но все же он вытащил ее оттуда, из казарм, где ее... Где ее...

Она отчаянно застонала, подтянула к себе колени и обхватила голову руками. Словно только сейчас до нее дошел весь ужас происходящего, все то, чего она по счастливой случайности, сейчас сидящей напротив ее кровати с кубком вина в руках, избежала самого жуткого наказания, что можно было придумать. Впрочем, именно он и отдал этот приказ. Хорош же, ублюдок. Сам обрек на мучения, и сам же спас! А теперь бросает ей подачку, словно отработавшей свое шлюхе, ожидает, что она будет валяться у него в ногах и благодарить за оказанную ей милость!

– Мне ничего от тебя не надо, – просипела она севшим от страха и ярости голосом. – Ни твоей милости, ни того зерна для посевов, что твои сборщики податей выгребли из наших амбаров подчистую. Просто сдохни, тварь, перестань пятнать эту землю своими поступками!

– Несколько опрометчиво заявлять мне такое, когда ты находишься в моем доме, – ухмыльнулся герцог и медленно поднялся на ноги. – Но мне нравится. Продолжай, малышка, у тебя хорошо получается скалить зубки. И кстати, – протянул мужчина, – я спросил вполне серьезно. Можешь не верить мне, но я почти готов был не только отпустить тебя, но и снабдить всем необходимым. Ты показала достаточно упрямства и верности себе, чтобы я начал уважать тебя. Но сейчас я вижу перед собой лишь лживую идиотку, у которой нет ни грамма мозгов, и которая обрекла на гибель не только себя, но и свою семью. Ты сама сделала свой выбор, сама подписала себе приговор тем, что отвергла мою помощь. Так что не скули.

– Тварь! – из последних сил зашипела пленница. – Да темные в сотню раз милосерднее такого Света, как вы!

– Даже так? – Герцога проняло.

Он подошел к кровати и быстро перехватил мелькнувшие руки девчонки: та хотела оттолкнуть его и попытаться сбежать, но он стащил ее вниз и ударил.

Она упала, с трудом поднялась на колени, не в силах принять вертикальное положение. Жалкая тварь, не стоящая его внимания. Но упорная и дикая, одна из тех, кого ему так нравилось ломать. Калечить, не оставляя в них ничего человеческого, превращать в изломанных, безвольных кукол, глядящих перед собой пустыми глазами и готовых выполнить любое его желание.

– Кричи, девочка, – почти ласково прошептал он, резким движением ударил раскрытой ладонью по ее спине, заставляя распластаться на полу. – Я хочу слышать, насколько тебе будет больно. Хочу слышать, как ты будешь молить меня о пощаде – а это, поверь, будет очень скоро.

Неторопливо снял с себя плотный жилет, расстегнул рубашку и потянулся к пряжке ремня.

Капитан гвардейцев скучающе стоял, прислонившись к стене. Сквозь плотно закрытую дверь он слышал, как кричала несчастная воровка, попавшая в лапы его господина – герцог Ворракийский умел быть не просто жестоким. Девчонке повезет, если он не раздерет ее в клочья, не оставив и единого живого места. Мужчина раздосадовано потер шею – девки у него давно не было, как-то не подворачивался случай, поэтому он уже настроился на то, чтобы расслабиться с этой дикаркой, но Джодок в очередной раз спутал все его планы.

Дверь открылась, и на пороге возник довольный господин, поправляющий ворот идеально сидящей на нем темно-синей рубахи.

– Она ваша, – улыбнулся он. – Только учти, не здесь. Забирай ее к своим. Как закончите – если не сдохнет, то повесьте.

Ворракийский, не оглядываясь, пошел прочь по коридору. В комнате за его спиной на полу, скорчившись, лежала девчонка, пустыми, мутными глазами глядя в стену. Сломанные куклы его не интересовали.

***

Лунное серебро прозрачным плащом накрывает едва дрожащие под касаниями ветра листья в кроне вековечного дерева, раскинувшего над нами. Я протягиваю руку вперед и легко дотрагиваюсь до твоих волос, локонами разметавшихся по полуобнаженным плечам. Днем они сверкают насыщенным цветом, а сейчас – как снег под солнцем – бледное-бледное золото.

Ты смотришь на меня с едва заметной улыбкой, чуть склонив голову к плечу. Ласково проводишь по лицу тонкими пальцами, очерчивая контур, словно изучая то, что давно знаешь, но снова и снова открываешь для себя. Я ловлю твои руки, сжимаю хрупкие запястья, и подношу к губам.

И ты смеешься. Твой смех брызгами хрусталя рассыпается в ночи, и я замираю, готовый слушать его до последнего вздоха.

Латгардис рывком поднялся с кровати, пытаясь отдышаться. Снова и снова. Один и тот же сон о той памятной ночи, и кажется, что все еще дрожит и звучит прозрачными переливами ее голос. Вплетает в напевный шелест ветра и щекочет щеки теплыми касаниями струй воздуха.

Император встал и молча подошел к окну, поднял руку, словно пытался поймать тонкий лучик бледноликой царицы, засыпающей тишь ночи льдистым светом, словно нетающим снегом.

Золото волос, окрасившееся в рубиновый цвет.

Душа сжалась, и глубоко внутри заворочалась загнанная боль, с мстительной жестокостью впиваясь в податливое сердце обсидиановыми когтями. Память нельзя вырвать клочьями из разбитой души, нельзя избавиться от кошмаров, преследующих ночь за ночью, таких реальных, что хочется никогда не засыпать – лишь бы избежать муки, на которую отныне обречен.

– Убирайтесь! – ты разъярена, лицо покраснелось, брошенный клинок сиротливо поблескивает в высокой траве, а твои пальцы покрываются моей кровью, когда ты отчаянно пытаешься зажать обширную рану на груди.

Они лишь смеются, подобно шакалам обступая нас и скаля клыки обнаженного оружия. Сзади я вижу стрелков, хищно ухмыляющихся и со скрипом натягивающих дальнобойные луки.

– Уходи, девчонка, – милосердно бросает светловолосый мужчина с холодными глазами и холеной бородой. – Ты нам не нужна.

И я пытаюсь оттолкнуть тебя, с усилием держась на ногах и понимая, что ослабевшее тело предательски тянет меня вниз, не дает даже поднять руку, защищаясь. Ты досадливо морщишься, улыбаешься уголками губ, тихо поглаживая меня по обтянутому тонкой материей плечу, и упрямо качаешь головой. Я не могу заставить тебя уйти, потому что ты не желаешь этого. И в родных глазах я вижу лишь погибель – проклятый дар, которого уже и не нужно. Все и так ясно: сегодня и здесь все закончится.

Хохотом смерти разрезают дрожащий от напряжения воздух зазубренные свистящие стрелы. Я чуть прикрываю глаза, растягиваю губы в усмешке, делая шаг навстречу смерти.

Император застонал, вскинул сжатый кулак ко лбу и закусил до крови губу. Воспоминания призраками прошлого вились вокруг него, не давая дышать, холодными вихревыми объятиями заставляя чувства леденеть и острыми коготками царапать по незаживающей ране.

Ему сказали, что это была судьба. Что так и должно было случиться для того, чтобы он стал именно тем, кто он есть сейчас. Чтобы в яростном пламени боли возродился, подобно фениксу, тот, кто изменит ход предрешенных событий. Придворный маг, посвященный в

тайну, о которой тогда не знал даже Рин, одобрительно качал головой, глядя на рыжеволосого мужчину, страшно, по-мужски, без слез, молча рыдающего над безжизненным телом.

Не сберег, не удержал ускользающей водой сквозь пальцы хрупкой жизни...

И темнота души расцвела бешеным пламенем, жидким огнем выплескиваясь в тварный мир, создавая существо, страшнее которого еще не помнила эта реальность.

***

– Ты опять не спал, – укоризненно посмотрел на Латгардуса советник. – Тебе скоро, как девушке, придется всякими припарками пользоваться, чтобы не пугать подданных теми синюшными кругами, что у тебя вместо глаз.

– Катись в Бездну, – огрызнулся император и скосил на друга немигающий взгляд. – Что у тебя?

– Опять нападения, – поморщился амисто и положил перед мужчиной исписанный каллиграфическим почерком пергамент. – Как с цепи сорвались.

– Это провокация, – покачал головой Латгардис, быстро пробегаясь глазами по донесению. – Я в этом уверен.

– Возможно, – эльф задумчиво уставился в потолок. – Думаешь, король Рейнар не в курсе?

– Скорее всего, – фыркнул рыжеволосый, наматывая прядь взлохмаченных волос на палец.

Дурная привычка, от которой его всегда пыталась его отучить Кэссия...

Проклятье! Он должен забыть об этом.

Советник внимательно посмотрел на императора. В золотых глазах мешались боль и сомнения, словно огонек безумства разгорался в глубине вертикальных зрачков.

– Латгардис, – продолжить ему не дал разъяренный рык мужчины, мгновенно оборвавшего встревоженного друга.

– Одно слово – и я тебе голову оторву, – мрачно пообещал он, сверля амисто взглядом.

Вэриний миролюбиво поднял руки в знак подчинения.

– Собирай дипломатическую миссию, – буркнул император. – И пошли «птицу»¹ королю Светлых Земель о том, что у нас есть серьезный разговор. Раз не может приструнить своих распоясавшихся подданных, этим могу заняться я. И пусть потом не скулит.

– Хорошо, – покладисто согласился советник, настороженно оглядывая друга. – Кого я должен назначить послом?

– Никого, – отрезал император, решительно поднимаясь и заставляя амисто подпрыгнуть от неожиданности. – Я сам поеду.

– Это неразумно! – гневно заявил Вэриний, непреклонно складывая руки на груди. – Если с тобой что случится...

– А мне плевать, – зашипел Темный Властелин, и воздух затрещал и заколебался от разлившегося по кабинету жара.

– Гард, – попытался убедить друга Рин, – пойми... – Стопка пергаментов на столе вспыхнула, и огонь весело заплясал по бумаге. – Свет тебя побери, помрешь – ко мне не обращайся!

Советник поджал тонкие губы и, сверкнув лиловыми глазами, выскочил в коридор, с грохотом захлопнув начавшую обугливаться дверь. Упрямец, если вобьет себе что-то в голову, то сами Изначальные Силы не смогут его переубедить в обратном.

Латгардис, хоть и был императором, интересовался, в основном, внутренней политикой, предоставляя вопросы внешней переваливать на Вэриния. Да и давно уже никто из Светлых даже не думал покушаться на Темные Земли после разгромной Северной Войны, когда Темная Империя нанесла сокрушительное поражение вторгнувшимся в ее пределы войскам Светлых.

---

¹ «Птица» – магический вестник.

Впрочем, ни компенсации, ни контрибуций отец Латгардиса, тогдашний Темный Властелин, требовать не стал, удовлетворившись подписанием мирного договора и неприкосновенности для Светлых любого, кто перешагнет через границу, пусть это даже будет убийца. На территории Темной Империи действовали свои законы, и таких тоже судили только по ним.

А теперь казавшееся устойчивым равновесие пошатнулось. Да еще так серьезно, что могло привести вновь к масштабной войне. К тому же, можно лишь представлять реакцию упрямого императора, когда он увидит, что творится в Светлых Землях с момента прихода к власти Рейнара Четвертого, абсолютно безынициативного и бесхарактерного человека, ставшего лишь марионеткой в руках предприимчивого герцога Джодока Ворракийского. Рин знал об этом, потому что разведчики постоянно присылали «птиц» с записывающими кристаллами – в некоторых землях творился беспредел: нищета, смерть и болезни были лишь малой частью бед, свалившихся на жителей Светлых Земель. Докладывать об этом императору советник не считал необходимым: пока это не затрагивало непосредственно их интересы, Латгардису не стоило и беспокоиться о том, чего он не мог изменить. А зная деятельную натуру друга, а также его повышенное чувство справедливости, которое заставляло разбирать даже мелкие дела вроде краж, где было все очевидно, Рин мог предположить, что Гард спать перестанет.

Впрочем, этот упрямец и так выглядел не очень хорошо – в гроб и то краше кладут. К сожалению, причину бессонницы друга Вэриний знал слишком хорошо. Потому что сам не мог спать – просыпался посреди ночи, ощущая, что сердце готово вырваться из груди.

Амисто прищурился, просчитывая варианты, учитывая вспыльчивость Латгардиса: ни один из них его не устраивал, так как грозил серьезными последствиями и разрушениями. Оставалось одно – сопровождать императора самому.

Эльф тяжело вздохнул и решительно направился вниз, раздавая указания. Ему следовало сейчас подобрать воинов, которые смогли бы сильно не привлекать внимания к отряду, но были достаточно благонадежны для того, чтобы доверить им жизнь императора. Зная Гарда, Рин не сомневался – мужчина возьмет с собой с десяток солдат, что будет весьма сомнительной защитой во враждебных землях. Им не известно, что может их поджидать за границей, поэтому стоило обезопасить Латгардиса настолько, насколько это вообще возможно.

К вечеру с необходимыми делами было покончено, а советник почувствовал себя абсолютно вымотанным. И даже в чем-то позавидовал императору – сидит, поди, в кабинете, изображает бурную деятельность, а на деле вино пьет, да кинжалы в стены метает. Рин нахмурился, отослал слугу с приказом и уверенно взбежал по мраморной лестнице, ведущей к покоям Латгардиса.

– Я хотел... – Рин едва успел пригнуться, как в дерево двери за его спиной вонзился тонкий кинжал. – Бездна тебя раздери, Гард! Ты меня убить решил?

– Заходить ко мне без стука чревато последствиями, – император сидел в кресле, закинув ноги на стол, и задумчиво покачивал в руке бокал с вином. – Что я тебе сейчас и доказал. Мне на дверь табличку вешать? Или все ж научишься предупреждать о своем появлении?

– Гард, ты... – советник даже не нашелся, что ответить. – Когда ты влетел в мои покои без стука и застал в весьма компрометирующей позе наедине с леди Аегл, я не услышал от тебя ни слова сожаления!

– О да, это было забавно, – внезапно расхохотался Латгардис и прищурился. – Она тебя простила после того случая?

– Меня – да, – буркнул Рин и уселся на стол, бесцеремонно скинув оттуда ноги Гарда. – А вот тебя – вряд ли.

Император блаженно прищурился и хитро посмотрел на своего Советника. Амисто только выглядел рассерженным. На самом же деле он давно уже привык к его выходкам, да и возмущался больше для вида, чем действительно по поводу поведения Латгардиса. Гард слишком хорошо знал своего друга и сразу мог сказать, обеспокоен тот или нет, злится или же всего

лишь мастерски изображает. И сейчас император видел сомнения в глазах своего советника – Рин переживал из-за принятого другом решения отправиться в Светлые Земли. Но он должен понимать, что никакой посол не в силах урегулировать возникшую проблему – только встреча двух правителей сможет вытащить этот мир из пропасти, в которую тот катится. К неизбежной, кровопролитной войне, в которой не будет победителей. И как бы амисто ни уговаривал его изменить свое решение, он все равно не послушает разумного – по всем параметрам, – совета своего друга.

Рин молчал уже долгих минуты три и не пытался отговаривать императора от затеи ехать в Светлые Земле самолично, что и насторожило задумавшегося мужчину. Он подозрительно глянул на друга и понял, что амисто внимательно и несколько оценивающе смотрит на него, словно соображает, задавать ли каверзный вопрос или нет.

– Чего тебе? – буркнул Латгардис и поставил бокал на стол.

Иногда у него так и чесались кулаки начистить морду своему советнику. Особенно за такие вот взгляды, после которых Темный Властелин чувствовал себя ущемленным.

– Ты подумал, как решить проблему с силой покровительницы, которая исчезнет, стоит тебе переступить границы Светлых Земель? – Рин скучающе прокрутил на пальце перстень.

Кровь Темных Властелинов, текущая в жилах Латгардиса, давала ему множество преимуществ: он был устойчив к большинству известных ядов, обладал природной защитой от многих заклятий – магия, в основном направленная на сознание и разум, а также подчинение воли, на него чаще всего просто не действовала. Но его сила в чужих землях, находящихся вне покровительства Госпожи Ночи, становилась его слабостью – пуповина, связывающая его с Тьмой, причиняла ему боль и страдания, потому что являлась источником его могущества и жизненной силы. Как только связь с покровительницей слабела, император не только чувствовал себя паршиво, но и становился очень уязвим. И то, что Вэриний в очередной раз ткнул его носом в нерешенную проблему, выводило из себя, хоть Латгардису и пришлось признать, что это досадное упущение – целиком и полностью его собственная заслуга.

– У Клаврена должны были еще остаться амулеты на такой случай. – Гард встал и раздраженно прошелся по кабинету.

– Придворный маг не сможет дать тебе достаточно сильной и долговременной защиты, даже если вкачает в эти камни всю доступную ему силу, – скривился амисто и со вздохом соскользнул со стола. – Ты хорошо мыслишь в масштабах государства, Гард, но в плане мелочей ты полный идиот.

– Не будь ты моим советником и не приноси ты ощутимую пользу Империи, – угрожающе надвинулся на друга Темный Властелин и сверкнул хищными глазами, – я бы тебя давным-давно отправил на плаху и собственноручно укоротил бы на голову.

Амисто без малейшего смущения выдержал пристальный и тяжелый взгляд своего господина и только пренебрежительно хмыкнул: кому, как не ему, знать, что Гард скорее удавится, чем возьмет на себя всю ту скучную бумажную работу, что лежит на плечах Советника.

– Я разберусь, Гард, – смилостивился эльф. – Но впредь не забывай о таких вещах.

С этими словами Советник покинул кабинет Императора и направился было по лестнице вниз, как шум за закрытой дверью заставил его рвануться обратно.

Тяжело грохоча, перевернулся стол, бокал с вином слетел вниз, разбрызгивая алые капли, словно кровь, по стенам; зашелестели безжалостно сминаемые листы – из окна на императора, стоящего спиной, метнулась быстрая тень.

Латгардис извернулся. Какой бы неожиданной ни была бы атака, но все ж застать врасплох бывалого воина оказалось не так уж просто. Убийца неловко приземлился, споткнулся о поваленное кресло и согнулся, получив сильный удар в живот. Но рукой с зажатым в ней коротким ножом мгновенно выстрелил вверх, целясь в беззащитное горло, но лишь прочер-

тил неглубокую царапину по скуле. Император перехватил мелькнувшую кисть и ударил под локоть.

Нападающий даже не вскрикнул, словно не чувствовал боли. Оттолкнулся, крутанувшись, отскочил в сторону, не обращая внимания на повисшую плетью руку, и даже не целясь, выстрелил из миниатюрного арбалета, закрепленного на кисти. Маленькая стрелка, покрытая зеленоватой пленкой, опасно вжикнула рядом с лицом, а Гард стремительно метнулся вперед.

Когда Рин влетел в кабинет, распахнув дверь, то уже застал друга, с любопытством разглядывающего своего недавнего врага. Шея у того была неестественно вывернута, и тусклые глаза безучастно смотрели в потолок.

– Ни на мгновение тебя нельзя оставить, – буркнул советник, окинув императора взглядом и убеждаясь, что с тем все в порядке.

Склонился над незадачливым убийцей и скинул с него капюшон.

– Человек, – констатировал Рин и обшарил карманы, – вне всяких сомнений. Кто-то сильно недооценивает тебя, Гард, раз посылает таких наемников.

– Может, это какой энтузиаст из светлых? – предположил рыжеволосый мужчина, поднимая перевернутый стол и с сожалением поглядывая на разбитую бутылку прекрасного вина.

– Исключено, – покачал головой амисто и перевернул тело, закатывая рукав темной рубахи.

На запястье обнаружилась небольшая татуировка в виде витого кинжала с оскаленным черепом в рукояти – метка гильдии убийц.

– Его хорошо информировали, – досадливо бросил Рин и отряхнул руки, словно испачкался. – Он точно знал, куда и когда лезть. Обрати внимание, немногие знают, что ты чаще остаешься в своем кабинете, нежели в покоях. Даже слуги – и те свято уверены, что по ночам ты глодаешь девственниц в своей опочивальне.

– Даже так, – удивленно вскинул брови Гард и безотчетно потер переносицу.

Голова начинала странно гудеть, и глаза зажгло, словно кто-то бросил в них горсть перца. Слабость разлилась по всему телу, вынуждая его опереться на стол, но руки перестали слушаться, и император уже почти не осознавал того, что рухнул на пол без движения.

– Тьма! – выругался Рин, подсакивая к бессознательному другу и переворачивая того на спину.

Лицо Латгардиса было неестественно бледным, дыхание – рваным и неровным, а царапина на скуле почернела, будто выжженная огнем. Все тело мужчины охватила непроизвольная дрожь – страшный предвестник конвульсий.

– Клаврена быстро сюда! – рявкнул амисто робко выглядывающему из-за косяка слуге-гоблину. – Нужно противоядие от дрянки!

Тот молча и стремительно исчез, а Рин, стараясь сдерживать подступающую к горлу панику, расстегнул ворот рубашки императора, прислушиваясь к слабеющему дыханию. Тот, кто послал сюда убийцу, знал о Латгардисе куда больше, чем позволено кому бы то ни было. Знал то, что император терпеть не мог постоянного надзора за собой и отказывался от любой охраны, равно как и легко вычислял тайную, в свое время приставленную к нему Рином. В тот раз советник действительно едва не угодил в опалу и после подобного обезопасить не желающего того друга не пытался. За что теперь Латгардис и платил в полной мере.

Дрянка – растение, встречающееся только далеко на юге, рядом с огненными жерлами вулканов. Столь же опасное, сколь и действенное: вытяжка из жестких стеблей вызывала практически мгновенный паралич и выжигала жертву изнутри. И была одним из тех немногих зелий, которые успешно могли убить даже императора, несмотря на его устойчивость к ядам, только благодаря которой он сейчас еще дышал.

Но каждая минута – это приближение конца, страшного и мучительного. Как только яд доберется до сердца, сознание вернется, и тело Гарда охватят судороги, после начала которых противоядие уже не подействует.

Клаврен, придворный маг, слишком запаздывал. Счет шел на мгновение, и Рин более не колебался. Закатал рукава своей рубашки, опуская на тонкие запястья широкие браслеты с крупными сапфирами изумительно правильной формы, внутри которых пульсировало и билось стремительно разгорающееся сияние. Браслеты высверкнули голубоватыми искрами и внезапно сжались, впиваясь в кожу неожиданно острыми режущими кромками. Но ни капли крови не заструилось из-под странных украшений – только серебро металла стало быстро темнеть, приобретая красноватый оттенок, словно напиваясь добровольно отданной кровью.

Темный эльф прижал ладони к вискам умирающего друга, закусил губы и прикрыл глаза. Вверх по смуглой коже от самых кончиков пальцев, через браслеты, потянулись изломанные линии, словно чернила пролили по венам, и Рин скорчился от боли, склоняясь вперед и почти касаясь лбом лица императора. Но Гард задыхал ровнее, бледность ушла с лица, заострившегося в преддверии смерти, и веки дрогнули.

– Рин, – хрипло выдохнул он, разглядев рядом с собой друга. – Прекрати лить надо мной слезы, я тебя еще переживу.

– Дрянь ты неблагодарная, – прошипел амисто и бессильно распростерся рядом с ним на полу.

Браслеты с тихим звоном разомкнули серебряные челюсти, вновь становясь безобидными украшениями, но под ними пролегли две широкие полосы истерзанной кожи, содранной и будто прижатой каленым прутом.

– Что это было? – Латгардис даже не рискнул подниматься на подгибающиеся ноги.

– Кажется, на кинжал была нанесена вытяжка из деревянки, – простонал в потолок Советник и с трудом подавил желание свернуться клубочком от боли, свившейся в голове и теперь настойчиво сверлящей виски. – А твой придворный маг...

– Господин! – в кабинет влетел пожилой мужчина в нелепом халате и с небольшой склянкой в руке. – Господин, противоядие!

– Клаврен, оно уже не нужно, – спокойно ответил Латгардис, принимая вертикальное положение. – Вопреки твоей заботливости и медлительности, я жив. Можешь возвращаться к себе и продолжать наслаждаться снами.

Тон у мужчины был жестким и ледяным, что заставило придворного чародея съежиться под пристальным и недобрый взглядом. Он попятился, кланяясь и бормоча под нос извинения, едва впился в дверной проем и вывалился в коридор, захлопывая дверь.

– Прекрасно, Ваше Темнейшество, – ехидно подал голос с пола Рин, так и не рискующий вставать. – Теперь он будет спать и видеть, как бы подсыпать вам того же самого яда в еду.

– Деревянка меня больше не возьмет, – задумчиво сообщил император и помог другу подняться. Видок у того был еще тот. Вздрыбленные волосы, бледное аж до пепельного лицо и светящиеся радужки глаз – такого и врагу не пожелаешь, чтоб привиделось. – Садись, Рин, я сейчас вина принесу. Тебе стоит сделать хотя бы пару глотков.

Советник даже не стал спорить и рухнул в кресло, прикрывая глаза. Пока Гард ходил за воделенным напитком, эльф почти успел задремать, но в голову лезла всякая мутная дрянь, поэтому он почувствовал облегчение, когда услышал ругающегося императора, споткнувшегося о так и лежащий посреди кабинета труп убийцы.

– Кто-то отлично знал, какой из ядов на меня подействует. – Мужчина протянул амисто бокал, и тот благодарно моргнул.

Руки все еще дрожали от пережитого и непосильного напряжения.

– Слишком много совпадений, – больше для себя произнес Император.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – подозрительно сощурился амисто и даже заставил себя выпрямиться в кресле.

Темный Властелин покачал головой.

– Тебе нужно отдохнуть, – поспешил сказать он, заметив, как посмурнел лицом Рин. – Ты не впервой вытягиваешь меня с самого края пропасти. А это, надо признать, хлопотная работенка. Не так ли, друг?

Советник мгновение сверлил Латгардиса взглядом, потом молча поднялся, сдержавшись и не ухватившись для пущей устойчивости за столешницу, поставил бокал на стол и направился к двери.

– Ты б все-таки распорядился, чтоб эту пададь отсюда убрали, – бросил он через плечо и кивнул на труп убийцы.

Император устало улыбнулся.

– Сей же момент, – согласился он, провожая друга взглядом.

***

Рин был растерян и обескуражен произошедшим. Уже давно тот, кто нацелился на род Темных Властелинов, не проявлял себя, но это покушение было совершенно аккурат тогда, когда Гард собрался нанести визит в Светлые Земли. Действительно, слишком много совпадений. О том, что на встречу с королем Рейнаром едет сам император, знал лишь очень узкий круг людей и нелюдей. И это давало возможность вычислить того, кто передал сведения о привычках Латгардиса убийцам, а то и сам стоял за покушением.

Рин не был белоручкой и прекрасно знал, как все это делается. Будучи советником Темного Властелина, он совершал многие вещи, когда-то казавшиеся ему неприемлемыми. Его шпионы подкупали, переманивали на свою сторону, а тех, кто твердо стоял за свои убеждения и был совершенно нежелателен, тихо убирали. Но для эльфа они были лишь несколькими строками на пергаменте с донесением, но никак не живыми существами, однако даже такими они мстили ему. Свою цену он платил сполна – кошмары не прекращались ни на одну ночь, и ему приходилось пить настойки, чтоб хоть немного отдохнуть.

Но сегодня Латгардис был так близко к смерти, как до этого всего лишь один раз в своей жизни. Рин вытягивал его из-за грани и сам едва не сорвался, когда пустота опутала цепкими щупальцами души и потянула вниз, в уродливую, ненасытную пасть. Если бы не помощь артефактов и ослепляющий ужас за друга, придающий сил, то Клаврен прибежал бы уже к двум бездыханным телам. И это совершенно не нравилось советнику.

Придворный маг ранее никогда не медлил и появлялся всегда аккурат в нужный срок. Тем более в Цитадели магическая сила бурлила потоками, и не нужно было ни накопителей, ни длительных медитаций, чтобы набрать достаточное количество энергии для кратковременной телепортации. Уж где находится кабинет его господина, Клаврен знал прекрасно, но для спасения жизни Императора предпочел передвигаться пешком из своей башни. Такое решение едва не стоило Латгардису жизни: если бы он был в кабинете один, то даже, скорее всего, не успел бы позвать на помощь. Древянка действовала очень быстро и удачно.

Обдумав все за и против, амисто, не сильно сомневаясь в правомерности своих действий, подловил придворного мага в тот момент, когда тот собрался посетить библиотеку темной Цитадели, в которой был собраны самые редкие книги, какие только могли найти. Учтиво поздоровался с нервно вздрогнувшим при виде эльфа пожилым мужчиной, проследил, чтобы тот не вернулся в свою лабораторию, скользнул в помещение и притворил тяжелую дверь.

Обстановка ему была знакома – его отец был алхимиком. Слянки, реторты и пробирки, в которых иногда бултыхалось нечто совсем уж непотребное, бурлящие составы и зелья на крохотных магических светлячках; массивные стеллажи со старинными книгами вдоль стен, несколько небольших шкафов, в которых хранились ингредиенты и уже готовые зелья; гексаграмма, притаившаяся в углу помещения, сейчас лениво помигивала алым, и изредка начер-

ченные линии начинали дымиться, словно кто-то шкрябал по невидимой стене с той стороны реальности и разочарованно отворачивался обратно, так и не достигнув нужного результата.

Рядом с ней стояла тренога с жаровней, в которой переливались оранжево-желтым светом раскаленные угли, в одно мгновение темнея до бордового, бархатного. А на них легким пеплом покоились еще обугливающиеся клочки сожженной бумаги. Советник знал, где искать, а может, Клаврен не сильно и скрывался, будучи уверенным, что огонь уничтожит все следы.

Амисто коснулся пальцами изящной серебряной серьги в виде искусно исполненной оскаленной волчьей пасти в левом ухе – зверь осторожно держал между острыми клыками некрупный рубин, имеющий совершенно несвойственный таким камням цвет – яркий, огненно-алый, словно бушующий огонь, заключенный в кажущиеся хрупкими грани. Драгоценность послушно замерцала, отзываясь на приказ хозяина, и эльф мягко провел рукой над жаровней, словно гладил невидимое ласковое существо. По металлу скользнула яркая огненная полоса, изогнулась и вильнула длинным чешуйчатым хвостом. Пепел взметнулся вверх, будто от сильного порыва ветра, закружился над углями и неожиданно сцепился пористыми ключьями, приобретая форму и разглаживаясь. Посветлел, по проявляющемуся и восстанавливающемуся письму побежали ровные чернильные строки, написанные размашистым почерком – угловатым и жестким, сразу дающим знать о характере того, кто взял в руки это перо, оставившее следы на сожженной бумаге.

Рин не знал, что он здесь найдет, действовал скорее по наитию, нежели действительно был уверен в своей правоте. В этой жаровне могло быть сожжено все, что угодно – от неудачных составов зелий до каких-то личных записок и описаний экспериментов. Но то, что прочитал советник на восстановленном пергаменте, заставило его нахмуриться и закусить губу. Клаврен не был посвящен в его тайну, как и большинство обитающих в этом замке и за его пределами, поэтому даже не мог предположить, что кто-то сможет восстановить, казалось бы, окончательно и бесповоротно уничтоженное письмо.

Когда он вошел в кабинет Латгардиса, тот стоял к нему спиной и задумчиво смотрел в окно. В руках мужчина держал сделанный из черного золота венец и несколько раздраженно вертел его, то и дело укалывая пальцы об изящные, но острые выступы. Заслышав звук открывшейся двери, он обернулся, нахмурился, но когда понял, что это Рин, даже слегка улыбнулся и наклонил голову.

– Что-то опять случилось?

– Почему ты мне не сказал? – Советник положил на стол письмо, по которому то и дело проскальзывали оранжевые полосы, словно плотная бумага тлела изнутри, но все никак не могла вспыхнуть.

– Что это? – Император взял в руки послание и вчитался. Брови изумленно взлетели вверх. – И он так просто все оставил?

– Нет, – односложно ответил амисто и скрестил руки на груди, ожидая ответа.

Латгардис скользнул настороженным взглядом по хмурому лицу друга, заметил горячие искорки, вихрем кружащиеся в рубине, вделанном в серьгу, и тяжело вздохнул. Разжал пальцы – эльф повел бровью, и бумага вновь рассыпалась пеплом, тонким слоем серой пыли осев на столешнице.

– Он дал им карту «червоточин», – амисто раздраженно сверкнул глазами. – Ты преследовал их до самой точки перехода и знал, что здесь что-то нечисто. Почему ты мне не сказал? Если бы не был таким упрямым, то, может, того, что случилось вчера, можно было бы избежать? Может, Клаврен не снабдил бы того убийцу вытяжкой из дрянки, и ты не бился бы в конвульсиях на полу собственного кабинета!

– Ты был рядом, – несколько смущенно пожал плечами Гард и отвел глаза.

– Это не аргумент, – рассердился советник. – А если бы я задержался хотя бы на пару минут?

Амисто осекся и замолчал, подозрительно глядя на друга. В лиловых глазах мелькнуло понимание.

– Доверяй, но проверяй, так, Гард? – тихо спросил он. – Я ведь и правда забыл, кто ты. И о том, что мне по положению предписано вытягивать твою королевскую задницу из неприятностей. Для того и существуют слуги, не так ли?

Латгардис молча пронаблюдал, как его друг, более ни слова не говоря, вышел из кабинета, и только тогда позволил себе со стоном опуститься в кресло, сжимая руками виски. Он действительно совершил непростительную ошибку. И этого промаха ему не забудет не только Вэриний, но и он сам.

Амисто же летел по коридору, злился и цепным псом рывкал на подворачивающихся под горячую руку слуг. Будь он глупым молодым мальчишкой, ничего не смыслящим и не понимающим в окружающем его мире, то подобная глупость была бы простительна. Но советник Темного Властелина, который совсем забыл, что тот, кого он считал своим другом – император, – просто посмешище! Гард, столкнувшись с тем, что его противники из числа светлых рыцарей знакомы с картой «червоточин», мгновенно очертил круг тех, кто мог выдать эти сведения врагам, и Вэриний был одним из возможных предателей. И Латгардис, как истинный правитель, не исключил его из списка, решил вначале проверить, и это было единственно правильно решение. Но как бы Рин не убеждал себя в правоте своего друга, обида свернулась в душе змеей и коварными кольцами опутывала разум. Впрочем, эльф был уверен, что рано или поздно он успокоится и опять спустит это императору с рук.

***

Клаврен судорожно метался по своей лаборатории и нервно заламывал руки. Тот факт, что ночное покушение потерпело крах, привел его в состояние, близкое к обмороку – хуже Темного Властелина может быть только разъяренный Темный Властелин, который злоумышленника из-под воды достанет. Да и советник его тоже – что цепная виверна, везде оказывается не в то время. Придворный маг, конечно, не совсем понимал, как амисто удалось вытащить своего господина из-за грани, но сейчас это было не столь важным. Куда страшнее было ощущение, что его собственную шкуру начинает ощутимо припекать: так бывает, когда не удается с первого раза убрать врага, что во много раз сильнее.

Ему хотелось бросить все и сбежать, но мужчина понимал, что именно этим он просто-напросто подпишет себе смертный приговор. Скрыться от императора в его землях у мага бы не получилось, сколько бы он не исхитрялся и не изворачивался: и твердь, и воздух – все в Темной империи принадлежало этому рыжеволосому гордецу. Больше шансов у него было в том случае, если он останется здесь и все ж постарается удержаться на плаву. К тому же, сегодня он видел, что советник был серьезно обеспокоен и расстроен после разговора с Императором, а это могло означать только одно – даже его Властелин взял на заметку. Так что Клаврен не был одинок в этом кругу избранных.

Маг застучал склянками с ядами, стоящими в дальнем шкафу. На толстое стекло были наложены заклятия, как защитные, так и атакующие – чтоб посторонние не совали нос не в свои запасы. И это не раз спасало Клаврена от неприятностей: бывали случаи, что его пытались отравить ядами его же изготовления. На тот случай у мага была замечательная вещица – небольшой серебряный кубок, из которого он взял за правило пить. Светлый металл мгновенно темнел, стоило лишь одной крупине любого известного отравляющего вещества оказаться в жидкости. Слишком много Клаврен слышал о Вэринии – по долгу службы, конечно.

Поговаривали, что любой, кто вставал у него на пути или же был неугоден императору, а также упрямым и не желал изменять свои взгляды на те или иные события, быстро отправлялся к праотцам. Советник никогда не церемонился, и маг был более чем склонен верить тому, что о нем говорили – смуглокожий эльф не раз брал у него яды. Клаврен, конечно, сомневался, что эта гончая сам пачкал руки, но исполнителей у него всегда было хоть отбавляй.

Маг настолько увлекся размышлениями, что не сразу заметил, как в его лаборатории появились незваные гости, а когда все же обратил внимание, то поспешно склонился в приветствии.

Император с любопытством взгляделся в небольшую банку, в которой плавала отрубленная человеческая кисть. На ней Клаврен когда-то пытался практиковаться в некромантии, но затея провалилась – должных способностей у стихийника не было. А выбросить все как-то времени не хватало, да и память стала подводить в последнее время. Темный Властелин прошелся мимо стеллажей, немного постоял возле книг и остановился возле большого телескопа, что не так давно умудрился выпросить у советника Клаврен.

Беловолосый амисто, кстати, тоже был здесь. Скучаяще прислонился к косяку двери, не спеша заходить в лабораторию. Но и не давая возможности теперь выйти из помещения. Оружия при нем маг не видел, но коварство темных эльфов в целом – а уж этого и подавно, – было у всех на слуху. Впрочем, Клаврен очень надеялся, что они завернули к нему с каким-то делом: промашек за собой маг не помнил, так как все улики были успешно уничтожены.

– Неплохо обустроился, – улыбнулся император, и Клаврен немного осмелел.

– Вашими силами, – угодливо склонил мужчина голову, про себя мечтая, чтоб эти двое убрались отсюда поскорее.

Темный Властелин провел ладонью по телескопу, шагнул вперед, к огромному, в пол-стены, окну и распахнул его настежь. Свежий ветер ворвался в помещение, пронесся по комнате и скинул со стола целую кипу разбросанных как попало бумаг. Клаврен всплеснул руками и бросился было их подбирать, но холодный голос остановил его.

– Подойди сюда.

Приказам Императора было сложно противиться. Казалось, тело просто переставало слушаться, выполняло чужую волю, не реагируя на приказы разума. Клаврена всегда пугала эта странная способность членов королевской фамилии, и этот раз не стал исключением.

Вопреки своей воле маг послушно подошел к открытому окну и с содроганием глянул вниз. Его башня возвышалась над каменной мостовой внутреннего двора на десятки ярдов, но обычно Клаврен не обращал внимания на подобную мелочь – никогда не боялся высоты. Однако именно сейчас ему отчего-то стало жутко до дрожи в коленях.

– Что тебе не хватало, Клаврен? – медленно поднял на него хищные желтые глаза император, и мага словно приморозило к месту. – Что заставило пойти тебя на такой шаг?

Пожилый мужчина сглотнул и в ужасе посмотрел на Темного Властелина.

Он все знал.

И теперь никакие слова не убедят это жуткое существо в том, что Клаврен невиновен – как бы тот не выкручивался и не пытался спасти свою шкуру.

– Золото? – задумчиво произнес император. – Вряд ли. Все, что тебе было нужно, давалось без возражений и вопросов. Статус? Что может быть лучше придворного мага? Что еще тебе было надо, скажи мне.

Мужчина так и не смог выдать из себя ни слова. Темный Властелин не смог бы понять его стремлений и желаний, не смог бы понять того, что сама покровительница Тьма приказала ему совершить то, что было сделано. Она хотела, чтобы император как можно скорее оказался в ее объятиях, и выбрала своим орудием именно его – королевского мага. Она дала ему силу, дала власть – такого он никогда не ощущал. Словно все судьбы на какие-то мгновения оказались в его руках. И ради такой награды он был готов пойти на риск.

Но затея провалилась. Однако Клаврен не собирался просто так сдаваться и шагать на эшафот с гордо поднятой головой. Поборов в себе ужас, пересилив отданный ему императором приказ, маг вскинул руки, зачерпнул силы, создавая заклятие. Слишком велик соблазн – император рядом с открытым окном, и вытолкнуть его не составит проблемы. А с советником разобратся можно и позже.

Но ранее послушная стихия не отзывалась на призыв, словно ее и не было вовсе. Ловким зверьком проскользнула сквозь пальцы, увернулась от сжавшихся в кулаки рук и весело заплясала вокруг проклятого аместо, играясь с гривой белоснежных волос. В причудливо заплетенных прядях неярко мерцали нити с нанизанными на них голубоватыми, почти прозрачными камнями, и ветер послушно вился вокруг опущенной руки, ластясь, будто кошка.

В тот момент Клаврен понял, что проиграл. Слишком много он поставил на обретенную силу, слишком привык доверять своей магической мощи, что, когда внезапно лишился ее, оказался совершенно беззащитным перед своими врагами.

– Прыгай, – глухо прозвучал приказ.

Маг еще сопротивлялся.

Упирался, выл, заключенный в клетку из собственного тела, послушного чужой воле.

Но шаг за шагом приближался к распахнутому во всю ширь окну.

Не будет эшафота – предателей не казнят, как благородных.

О них не рассказывают никому, предпочитая убирать быстро и незаметно. Так, чтобы никто не догадался, что же произошло на самом деле.

Чтобы не вспугнуть более крупную рыбу, залегшую на самое дно, мелких окуньков вылавливают тихо.

Громкий крик потонул в шуме внезапного шквально ветра, вышвырнувшего вслед за канувшей вниз фигурой массивный телескоп. Глухого удара о камни мостовой император уже не услышал.

Отвернулся от окна и молча посмотрел на советника. Тот отвел глаза, не желая встречаться взглядом со своим другом.

***

Оружейная всегда была особым местом. Нет, не общая, где кучей свалены и хорошие, и совершенно безобразные в своем уродстве клинки, сталь которых покрыта темным налетом времени. Смотритель не успеваешь, да и, скорее всего, не желает приводить в порядок порученных ему подопечных. Император об этом знал, иногда проверял, пытаясь мотивировать ленивого слугу, но, в общем и целом, не сильно переживал за состояние простых клинков. Да и не нравилось ему туда приходить – словно попадал на кладбище никому не нужных существ, брошенных и забытых.

У Латгардиса была своя оружейная. Закрывающаяся на хитрые замки, которые не по зубам даже самому талантливому вору. К тому же, стоило приглядеться, как наметанный глаз различал тонкую мутноватую пленку поверх запоров, означающую, что не только механизмы охраняют помещение, но и опасные чары.

Он знал – у каждого клинка есть своя душа. Особенная, ни на что не похожая жизнь таилась в глубине сверкающей стали, заставляя мечи норовисто взбрыкивать, временами причиняя вред той руке, что показалась им недостойной.

В святая святых Императора не допускался никто, только иногда, и то в пору хорошего настроения правителя – Рин. Латгардис сам чистил, затачивал и лелеял редчайшее оружие, в то время как друг тенью скользил по помещению, стараясь не отвлекать полностью поглощенного делом друга, и раз за разом восхищенно оглядывал экземпляры, попавшие в коллекцию. Здесь можно было увидеть и темные, и даже светлые клинки. С которыми, к удивлению многих, император всегда находил общий язык, и те охотно делились с рыжеволосым мужчиной заложенной в них силой.

Латгардис мгновение помедлил, проводя рукой перед массивным замком. Мареву заклатья чуть дрогнуло, узнало хозяина и с едва слышным пением напряженных магических потоков втянулось в замок. Негромко щелкнул и закрутился механизм, отворяя тяжелую дверь. Император вздохнул, словно собираясь с духом, и вошел в оружейную.

Взгляд золотых глаз заскользил по знакомым мечам, которые сейчас чуть звенели, приветствуя хозяина, будто заново изучал, но мужчина, пусть и неторопливо, но целенаправленно прошел к дальней стойке. На невысоком стеллаже, небрежно брошенные, сиротливо лежали два клинка в простых ножнах.

Император остановился рядом с ними и в задумчивости протянул к ним руку. Нерешительно, сомневаясь. И почувствовал, как в щенячем восторге заметались души, заключенные в сталь, виновато касаясь хозяина ласковыми нитями ворожбы. Латгардис замер, стараясь перебороть желание резко развернуться, уйти, захлопнув дверь, и больше никогда не возвращаться сюда. Не видеть клинков-братьев, оружия, предавшего собственного хозяина.

Эти мечи выделялись даже среди невероятной коллекции, собранной императором. Имеющие собственный разум, они могли служить только одному хозяину. Тому, кого выбирали сами. И тогда, в тот момент, когда свистящие стрелы летели к груди раненного Темного Властелина, они предали его, спасая ему жизнь. Не дали освободить свою магию, выжигая все вокруг, уничтожая и хозяина, и его врагов. Всех, кроме одной. Девушки, которая бросилась вперед и заслонила Латгардиса, принимая удар зазубренной стали. Она стала тем самым чудом, которое спасло жизнь юному наследнику.

В тот день было совершено покушение на всю императорскую семью. И только рыжеволосому юноше удалось избежать смерти, откупившись от нее жизнью той, кто была его душой. Уже Темный Властелин потом швырнул жалобно звякнувшие клинки на стеллаж и поклялся самому себе больше никогда не прикасаться к ним. И вот гляди-ка, вернулся и стоит в раздумьях.

Мужчина, тряхнув пламенными волосами, поджал губы и поднял один из клинков, с кипенно-белой рукоятью, похожей на диковинный гигантский клык. С шелестом вытянул его из ножен, рассматривая странную, серовато-гуманную сталь с необычной гравировкой, – тонкими линиями драконьих рун, – бежавшей по поверхности. Тихонько вздохнул, ощущая, как радостно коснулся разум клинка сознания своего хозяина, и со стуком вернул его обратно.

Взял в руки, размышляя, его брата. Темная рукоять, оплетенная кожей дикого рагдона, источала силу, словно мутный, жутковатый ручеек струившуюся в руки мужчины. Со злобным звоном меч выпорхнул из ножен, обнажая обсидиановую сталь, в которой вихрями скручивались голубоватые страдающие искорки. Клинок приветствовал хозяина, и кровожадно и тягуче пронесся по полутемному помещению шорох тысяч голосов.

Рассветная Заря и Скорбящий – легендарные клинки, созданные тысячи лет назад, но все еще не только не превратившиеся в сказки, но даже не потерявшие своей остроты, набравшие мощь, напитавшиеся чужими жизнями. Свет и Тьма, два клинка-брата, не существующие друг без друга. Один – сохраняющий жизни, обладающий силой излечивать даже смертельные ранения; и второй – несущий смерть, страшнее мифического драконьего пламени, пожирающий души убитых врагов. Даже белый клинок становился бессилён перед ранами, нанесенными братом.

Латгардис хмыкнул, подхватил мечи и быстро вышел из оружейной, захватив несколько метательных ножей из триннской стали.

В дворе нервно рыл землю копытом рыжий жеребец и злобно прижимал уши, вскидывая задом – оруженосец, держащий коня под уздцы, ошутимо нервничал, а зверюга все так и норовила уцепить мальчишку за плечо. Латгардис успокаивающе похлопал лошадь по крепкой шее, и животное сразу же замерло, почуяв хозяйскую руку. Император быстро окинул взглядом отряд сопровождения, одобрительно хмыкнул – Рин хорошо постарался, – но, наткнувшись взглядом на знакомую фигуру, подозрительно сощурился.

– Что это? – мрачно поинтересовался император, оглядывая друга.

Амисто ухмыльнулся в ответ и вскинул брови, словно недоумевая.

Латгардис хмуро посмотрел на него и покачал головой. Рин был одет по-походному. Штаны из плотной ткани, высокие сапоги, темная рубашка, кожаный жилет и плотная куртка поверх. Наверняка у этого фокусника в рукавах спрятано с десяток различного мелкопакастного, а то и отравленного оружия. За спиной серебрились рукояти парных клинков, с которыми эльф управлялся отлично, уступая разве что только самому императору, и висели небольшой, но мощный лук и колчан со стрелами.

У Латгардиса всегда были проблемы со стрелковым оружием. Что луки, что арбалеты – все одно. Все эти зловредные предметы раз за разом пытались лишить мужчину то пальцев, то глаза, поэтому, спустя некоторое время, его учитель, Грокхагар, посетовав на нерадивость ученика, плюнул и перестал пытаться совместить несовместимое. Зато Вэриний стрелял просто отменно, в кои-то веки утерев нос заклятому другу.

Впервые наследный принц и сын одного из графов Темной Империи встретились именно у старого вояки, орка Грокхагара. Рин – потому что отец отправил его обучаться воинскому делу, а Гард – потому что отец строго-настрого запретил ему доводить до невменяемого состояния почтенных мэтров точных наук, так необходимых будущему правителю. Математика, история, экономика – любое занятие, подразумевающее корпение над свитками, вызывало у молодого принца зевоту, поэтому непоседа втихаря сбегал от пожилых преподавателей, умело пользуясь тайными ходами, которых в замке было в избытке.

Там они и столкнулись. Что мальчишки не поделили в тот момент – не помнили даже они, но когда встревоженный шумом и воплями с заднего двора орк прибежал на место побоища, то застал двоих парнишек катающимися в пыли и колотящими друг друга маленькими кулачками. Впрочем, как известно, маленькие кулачки-то и бьют сильнее, так что синяки и ссадины, нанесенные в пылу драки, сходили еще долго, потому что Темный Властелин, посмотрев на утирающего кровавую юшку сына, жестом остановил лекаря и вынес вердикт: ходить тебе, Латгардис, побитым, пока все само не пройдет.

Мрачный мальчишка, пытаясь прикрыть руками дыру на порванной рубахе, завернул за угол гулкого коридора и наткнулся на точно такого же шмыгающего носом амисто, которого также лишили первой помощи в наказание за необдуманные поступки. Мальчишки переглянулись, задумались – и вместе отправились измышлять месть.

С тех пор и повелась такая дружба между ними. Они были разными: Латгардис был рожденным воином, смелым, беспощадным и где-то безрассудным; Вэриний же тяготел к знаниям, допоздна засиживаясь в королевской библиотеке, используя тайком украденные другом у отца ключи. Впрочем, воином он тоже был отменным, но все же уступал рыжеволосому парню, который очень быстро перегнал в мастерстве своего учителя, а вскоре и равных ему в воинском искусстве не было.

– Я вынужден сопровождать вас, мой господин, – издевательски склонился перед Латгардисом Рин.

– Вынужден? – угрожающе надвинулся на него император.

– Глупостей таких наворотишь, что потом всеми Темными Землями расхлебывать будем, – отчеканил амисто, складывая руки на груди.

Император на мгновение пораженно замер, потом беспомощно махнул рукой, отвернулся и вскочил на подведенного ему рыжего жеребца. Эльф довольно хмыкнул, проворно взлетел на свою соловую крупную кобылу, и небольшой отряд, состоящий, помимо императора и советника, всего из десяти хорошо вооруженных воинов, повинувшись знаку Темного Властелина, выехал из ворот.

ГЛАВА 2

Глухо хлопнула дверь, и по коридору, ведущему в его кабинет, эхом разлетелся звук уверенных шагов. Так мог себе позволить передвигаться только один человек, в силу своей упертости, безжалостности и совершенно наплевательского отношения как к своей, так и к чужим жизням – его личный поверенный, Догр. Его Джодок вытащил из лап палачей в самый последний момент: убийцу, насильника и мародера собирались четвертовать по законам Светлых Земель, но герцог Ворракийский имел на него свои планы. Догр в качестве разнообразия был ему благодарен, да к тому же Джодок сделал ему предложение, от которого трудно отказаться – заниматься любимыми делами, только теперь под защитой одного из сильнейших аристократов империи. И этот на редкость отгалкивающий субъект полностью оправдал его ожидания, чем и заслужил некоторые поблажки, особенно касающиеся правил поведения – их Догр предпочитал совершенно не замечать и делал вид, что даже приблизительно с ними не ознакомлен.

– Хорошие новости, Джодок! – Он бесцеремонно распахнул дверь едва ли не пинком и зашел в кабинет, оставляя на дорогом ковре грязные следы.

– В следующий раз, если ты так залетишь ко мне, да еще и не удосужишься привести себя в порядок перед тем, как переступить этот порог, я повешу тебя на ближайшем дереве, – холодно процедил герцог. – Даже если ты сообщишь мне, что Темная Империя провалилась в Бездну.

Догр сообразил, что несколько перегнул палку, и слегка поклонился, что в его исполнении означало крайнюю степень уважения. Нет, сделал он это не из смущения, а скорее из опасения, потому что прекрасно знал – Ворракийский пустыми обещаниями не раскидывается.

– Так что у тебя? – устав наблюдать за приспособленческими способностями своего наемника, поинтересовался Джодок.

– Они выехали, – самодовольно ухмыльнулся Догр, мгновенно возвращаясь к привычной манере общения. – Император с небольшим отрядом, в общей сложности дюжина человек. Причем особенно отмечаю, Джодок – человек. Ругару он не взял, хотя и стоило, но, возможно, просто не хотел пугать нашего венценосного осла присутствием монстров в столице.

Ворракийский не смог усидеть на месте и быстро поднялся с кресла. Он долго и тщательно выплетал паутину, долженствующую перекрыть воздух проклятому императору, но не думал, что тот так быстро в нее попадет. Все же чувство долга у него слишком развито для политики – мальчишка с головой нырнул в западню, стоило только Ворракийскому подразнить его немногочисленными смертями на границе.

– Это действительно хорошие новости, – разум его защелкал, как счеты казначея. – А что с нашим осведомителем?

– Вот тут уже гораздо интереснее, – расплылся в улыбке Догр, а Джодок нахмурился.

То, что казалось забавным этому наемнику, не всегда находило отклик в душе у герцога. Солдат удачи вытащил из кармана небольшой кристалл: темно-синий, как тайшетский бархат, с медленно вращающейся белесой взвесью внутри. Прокатил по ладони, с удовольствием поглядев на переливающиеся грани, и протянул его Джодоку.

Записывающий кристалл. Дорогое и крайне редкое удовольствие, но Ворракийский не скупился на подобные вещи. Лучше видеть своими глазами, что происходит в разных уголках Светлых земель, чем узнавать от гонцов и шпионов – человеческий фактор еще никто не отмечал, и не всегда доставляемые ему сведения были однозначно подлинны. К тому же, с записывающим кристаллом у него всегда были доказательства, а также возможность разглядеть и услышать все в мельчайших деталях. Тех самых, которые столь часто упускают его наемники – исполнительные, но не особо умные или, по крайней мере, не умеющие делать выводы из того, что видят и слышат.

Он прикоснулся перстнем-печаткой с личным знаком к сапфиру, и тот послушно засветился. Джодок положил камень на стол, развернув его едва заметной трещинкой к стене, и взгляделся в возникшее изображение.

Это место ему было хорошо знакомо – лаборатория придворного чародея самого темного императора. Клаврен некоторое время активно помогал воплощать в жизнь планы Джодока, при этом ни слова не говоря о своих истинных целях. Впрочем, герцог Ворракийский не особо и интересовался: ему был важен такой сильный союзник, находящийся, ко всему прочему, еще и в самом сердце земель врага, а уж какие мотивы двигали им – десятое дело. Конечно, первое время он пытался выяснить, какие грехи рыжеволосого мужчины привели к тому, что человек, принесший присягу и поклявшийся перед Тьмой ценой собственной жизни защищать своего господина, стал клятвопреступником. Нет, Джодок ничуть не осуждал его, но прекрасно понимал, что с Изначальными Силами шутки плохи. Ни Свет, ни Тьма не потерпят пренебрежения в свою сторону и жестоко покарают того, кто переступил черту дозволенного.

Так и произошло. Герцог Ворракийский внимательно просмотрел запись до того самого момента, как Латгардис, еще немного постояв у окна, спокойно пошел прочь, даже не оглядываясь, и еще раз перемотал кристалл назад.

– Почему изображение неполное? – недовольно спросил он, сам не замечая того, как губы вытягивались в тонкую линию лишь при одном взгляде на темного императора, а на скулах играли желваки. – Здесь только часть кабинета, я не вижу, что творится у входа. Догр, в чем была проблема поставить кристалл нормально?

– Мой человек едва успел унести ноги, – фыркнул наемник, хоть и не так смело, как раньше. – Клаврен чуял эти штуки, как собака свежее мясо, но свой кабинет, в отличие от всего замка, не проверял на наличие кристаллов. Только поэтому мы получили эту запись – все остальные записывающие камни, установленные в Цитадели, он нашел, деактивировал и отдал императору.

– Ни в чем на вас положиться нельзя, – пробормотал Ворракийский, понимая, что маг действительно вел какую-то свою, ему одному известную игру, в которую категорически не желал посвящать, несомненно, временного союзника. – Я вижу здесь чародея и его господина. Кто еще был в тот момент в кабинете?

– Скорее всего, советник. – Догр подошел ближе и взгляделся в изображение.

Кристалл снимал лишь часть лаборатории – ту, что возле окна. Это было удачной идеей, потому что сейчас они могли наблюдать за тем, как император, даже не прикоснувшись к предателю, заставил его вышагнуть из окна навстречу верной смерти, но Джодоку хотелось бы видеть картину в целом. Особенно понять, был ли третий участник этого действия причиной того, что Клаврен так и не смог воспользоваться своим даром, что в его возрасте и при его мастерстве – крайне удивительно. Прирученные и закованные в клетку железной воли чародея силы не имеют свойства по собственному желанию взбрыкивать и срывать уже готовые заклятия.

– Я знаю об этом советнике много, – задумчиво произнес Джодок, зная, что Догр сейчас с любопытством следит за его размышлениями, – но мне не приходило в голову даже предполагать, что он обладает какими-то силами. Наш покойный друг ни словом не обмолвился ни о чем подобном, но он и отправился во Тьму куда раньше назначенного срока как раз из-за того, что неверно просчитал ходы своего императора.

– Мои люди проверяли его, и не один раз, – доложил Догр, чем вызвал недоуменный взгляд герцога. Его наемник не столь ограничен, как кажется. – В этом амисто нет ни капли магической силы.

– Что ж, – вздохнул Джодок, взял погасший кристалл в руки и сел в кресло, – возможно, Клаврен действительно не смог использовать против императора свой дар. Я далек от этих тонких материй, и мне не известно, в каких случаях прежде покорная стихия может даже само-

вольно подтолкнуть тебя в спину, чтоб быстрее летелось. Но император имеет практически неограниченное влияние на разумы своих подданных – это мы уяснили крепко. Раз он сумел заставить опытного мага просто взять и выпрыгнуть из окна собственной башни, то он действительно опасный противник. И подготовиться стоит лучше, чем старый дурак Клаврэн.

Догр широко ухмыльнулся.

– Возьмешь людей, – распорядился Джодок, вновь настраиваясь на деловой лад, хотя на душе было беспокойно – не каждый день он видел такую внушительную демонстрацию силы. – Сагрэн подобрал отряд хороших ребят, толковых и хорошо знающих свое дело. И захвати мага. Скажем, Тура.

– Он же сопляк еще! – удивился Догр.

– Зато сообразительности на вас всех хватит, – отрезал герцог, показывая, что спорить с ним в этом вопросе не стоит. – Он силен, умен и молод, что немаловажно – в бою все эти дряхлые маги могут сдохнуть только от того, что неудачно подвернули ногу. А сопляк, в случае чего, еще и неплохо управляется с мечом, так что не придется тратить ресурсы на то, чтобы прикрыть его от противника. Я доступно излагаю, Догр?

Наемник покающе кивнул.

– Перехватите их на западном тракте, возле деревни Большие Вязьмы. Там им негде будет скрыться в том случае, если ты, Догр, не справишься с заданием, – Джодок просверлил солдата удачи взглядом, и тому стало не по себе.

– Так там же кругом лес, – нашел силы возразить наемник. – Сбегут – потом даже с собаками будет сложно найти.

– Если они уйдут, – то на многие десятки миль им не найти приюта просто потому, что его там нет. – Герцогу надоели разговоры. – И уж я надеюсь, что ты сможешь найти их в случае неудачи, Догр. Если нет – то можешь не возвращаться, потому что здесь тебя будет ждать только виселица.

Наемник или не сомневался в своей удачливости, во что Джодок вполне мог поверить, или же просто мастерски не показывал виду, что напуган или хотя бы обеспокоен столь явной угрозой, но он лишь ухмыльнулся в ответ, отсалютовал Ворракийскому и покинул кабинет. И даже дверь осторожно прикрыл, памятью о словах своего господина.

***

Латгардису казалось, что Рин стал его избегать. Нет, он не отворачивался и демонстративно не молчал, как бывало в дни их дурной молодости, когда ни тот, ни другой не умели еще сдерживать чувств, но разговаривал с ним редко, словно бы неохотно, и чаще просто уходил в себя, даже не замечая, что император пытается с ним заговорить. Это состояние Рина Гард знал очень хорошо – предельная сосредоточенность на каком-то деле или проблеме, и его советник настолько ушел в него, что не мог одновременно заниматься чем-то еще. Для амисто это было редкостью – он умел крутиться волчком, решая сразу с десятков неотложных дел, – но всегда сулило неприятности.

Когда солнце уже было в закате, император скомандовал привал. Его отряд только что вышел из последней «червоточины» – дальше им предстояло двигаться обычными путями, потому что Гард не хотел изматывать своих людей раньше времени, – и воины устали после перехода. Рин, вопреки своему обыкновению, не стал даже заниматься своей лошадей и проучил заботу о животном одному из бойцов, а сам отошел на несколько десятков метров, так, что его не было видно за деревьями, и куда-то запропастился. Латгардис честно выдержал положенные полчаса из тех, после которых дозорных уже начинают искать, и отправился в том же направлении.

Советник обнаружился не так уж и далеко. Амисто сидел, поджав по себя ноги, с закрытыми глазами: ровная спина, спокойно и расслабленно лежащие на коленях руки. Но стоило

лишь Латгардису, шкурой ощутившему некоторый дискомфорт, переступить какую-то невидимую черту, как Рин сразу вскинулся, открывая глаза.

– Стой! – скомандовал он, обращая к нему развернутую ладонь.

Император не привык, что ему приказывают, поэтому сразу даже не сообразил, что от него требуется. И все же сделал несколько шагов вперед – уже по инерции.

Возникшая перед ним жуткая, ошеренная пасть появилась словно из самых страшных кошмаров. Образ ее был несколько размыт – черные, бездонные провалы глазниц, наполненные клубящейся тьмой с багровеющими искрами пламени Бездны; витые рога, дугой уходящие назад, и оскаленные клыки, каждый размером с его руку. Чувство, что он только что ощутил на себе зловонное дыхание смерти, еще долго потом преследовало императора. Латгардис отшатнулся и прикрыл лицо рукой, но рожа рывкнула ему что-то беззвучно, разочарованно проскребла по невидимому барьеру и с пробившимся сквозь него визгом исчезла, истаяла туманом.

– Опять ты за свое?! – Возмущению Темного Властелина не было предела.

– Тебя никто не просил мешать мне, – огрызнулся в ответ Рин, поднимаясь с колен. Встряхнул руками, и с пальцев в траву скользнули едва заметные, чуть светящиеся голубоватые искорки. – Что за привычка всюду совать свой нос? Гард, его тебе однажды оттяпают, и не плачься мне потом, что девушки на тебя не смотрят.

Император пренебрежительно хмыкнул, но нос украдкой ощупал, тем более, что ощущение того, что он едва его не лишился, оказалось на удивление стойким.

– Может, ты объяснишь мне, в чем дело? – остановил друга Латгардис, когда Рин попытался было ускользнуть в сторону их лагеря.

Советник устало вздохнул и мрачно посмотрел на императора.

– Мозаика не складывается, Гард, – тихо произнес он. – Я все никак не могу понять, почему Клаврен так поступил. Просто не вижу смысла в его действиях!

– Личная месть? – предположил Латгардис.

– А что ты ему сделал? – мигом заинтересовался Рин.

– Ничего, – несколько растерянно отозвался мужчина.

– Горазд болтать, – досадливо бросил амисто. Видать, его действительно сильно мучил этот вопрос, раз он был готов принять хоть какое-то объяснение, что немного даст понять, почему же так все произошло. – Это не личная месть, это не государственные интересы – ты все же не Рейнар первый, чтобы пытаться тебя убрать во благо общества. Темная Империя процветает, смена правителя, да еще и таким радикальным способом, ввергнет ее в пучину раздора. Даже если Клаврен преследовал именно эту цель, то она все равно слишком сомнительна: не факт, что при новом императоре он сможет сохранить ту же должность.

– Особенно если учесть, кто является претендентом первого порядка, – буркнул Латгардис.

Его троюродный брат по крови Майер был не слишком умным, но отсутствие извилин компенсировал чрезмерной жестокостью. Латгардису стоило больших трудов удержать его в узде, угрожая едва ли не эшафотом. Поэтому братец его уже какое-то время сидел смиренно, тихо и незаметно мучая кошек по углам. По крайней мере, император надеялся, что кошками и прочими несчастными животными дело и ограничивалось.

– Верно, – кивнул Рин и нервно затеребил прядь волос. – Наш маг спутался со светлыми, которым кровь из носу надо тебя убрать – и их я понимаю от и до. Сильный сосед – всегда проблема, а также потенциальная угроза для мирной жизни. Когда государство занято междоусобицами и внутренней грызней, обычно становится не до построения захватнических планов. Не говоря уж о том, что у более разумных или удачливых соседей появляется реальная возможность под шумок отхватить лакомый кусочек нужных территорий.

Рин размышлял складно, и теперь Латгардис тоже начинал видеть то, что опытный и искусственный в интригах советник заметил сразу же – несостыковки в поведении Клаврена.

– У него нет мотивов так действовать, – озвучил его мысли Рин. – Лучше живой, но лояльный к тебе император, чем мертвый – преемник его будет далеко не так хорош. К тому же, Клаврену должно быть известно, что таких, как он, новые правители стремятся убрать в первую очередь – тот, кто предал один раз, предаст и другой. Это как проказа: если уж въелась под кожу, то ничего не спасет – исход только один.

– В таком случае тебе стоило с ним поговорить, – осторожно закинул крючок Гард.

– А я, по-твоему, чем занимался? – возмутился Рин. – Гард, его даже Тьма не приняла – зачем ей клятвопреступник? Видел тварь? Так вот, душонка нашего неудачника теперь мирно покоится где-то на дне несуществующего желудка этого существа. А переваренная еда, как известно, не разговаривает!

– Я все понял, – примирительно поднял руки вверх император. – Значит, наш убийца даже посмертия теперь лишен?

– Да, – несколько успокоился амисто, все еще посверкивая глазищами в сторону друга. – И я не скажу, что не согласен с таким решением Госпожи Ночи. За чертой каждый получает по заслугам, и не нам спорить с ее решениями.

– Но мы теперь так и не узнаем ответы на интересующие нас вопросы, – скептически проговорил Гард.

– Напрямую – нет, – кивнул Рин. – Косвенно – можно попытаться. Но для этого нужно размотать этот клубок. Впрочем, благодаря твоему безрассудству, мы уже по уши в этой грязи – чистыми теперь точно не выбраться.

– Не желаю даже слушать! – разозлился император, не ожидающий такого прямого осуждения своих действий.

– Если бы ты остался в Цитадели, то я бы смог все выяснить, – не на шутку разошелся советник. Гард только вздохнул – амисто закусил удила, и теперь не успокоится, пока не скажет ему все, что думает. – А теперь мы шляемся по необъятным просторам Темной Империи с одной лишь целью – сунуть голову в капкан! И чем все это закончится – я не знаю! Гард, даже духи повертели пальцами у висков и напроорочили мне столько несчастий, видать, в отместку за твое глупое поведение, что я даже дослушать не решился!

– Надеюсь, ты отца не вызывал? – с опаской уточнил Латгардис.

– Если бы я это сделал, – голос амисто так и сочился ехидством, – то не сидеть бы тебе еще целую неделю – покойный император всыпал бы тебе, и поделом!

Темный Властелин, прекрасно помнящий тяжелую руку батюшки, содрогнулся от одной мысли, что было бы, если бы Рин действительно додумался спросить совета у него – никакие бы защитные круги, вроде того, который сегодня не дал той твари добраться до Гарда, не удержали бы разъяренного императора. А в том, что его отец непременно бы разозлился, сомнений у Латгардиса не было.

– Здесь замешана еще какая-то сила, – внезапно успокоился амисто и, словно ничего и не произошло, пошел к лагерю. Кажется, их там уже потеряли. – Я почуял ее присутствие в разуме Клаврена. Возможно, есть еще один игрок, о котором мы не знаем, но он куда опаснее, чем наш противник из числа светлых. И чем скорее мы выясним, что же это за темная лошадка, тем больше у нас шансов на успех.

– Да ты говоришь об успехе, – ухмыльнулся император, уверенный в том, что буря миновала.

– В этой ситуации выжить – уже успех, – припечатал Рин, зашипев, как змея. – Так что не обольщайся, Гард, и побереги спину – я не могу все время за тобой приглядывать и вытаскивать из тех передряг, в которые ты сам влезает по собственному желанию. Придет день – и я опоздаю. Как это уже произошло однажды. Не заставляй меня переживать все это снова.

Латгардис вздрогнул, уловив в голосе друга глубоко запрятанную скорбь, которая до сих пор подтачивала его силы и сердце. И сжал кулаки – Рин был прав. Как, впрочем, и всегда.

Темнота, словно шелк, струится сквозь пальцы, ласковым зверьком скользя по плечам, заглядывает в золотые глаза провалом Бездны и мягко улыбается бархатом ночи. Латгардис приподнимает руку, оставляя за ней чуть светящийся след, вздыхает и опускается на одно колено, склоняя голову. Мазком пламени вспыхивают огненные волосы.

– Ты звала меня, Госпожа? – голос глух и тих, звуки вязнут во Тьме, насмешливо кружась вокруг императора, словно пленные птахи.

– Звала.

У Тьмы нет собственного голоса – она впитывает в себя самый незначительный и едва слышимый звук, лениво подбирается к доверчивым сердцам и струйкой чернил проникает в душу. И сейчас Она говорит голосами сотен тысяч существ, сливающихся в один. Непостижимая и такая же непостоянная, как и темные воды озера Лаафер².

Он приподнимает голову и видит, как прямо перед ним, словно разводы на зеркале, появляется дымная фигура, уплотняется и принимает облик девушки. Она всегда является к нему женщиной: иногда зрелой, поразительной в своей мудрости, а иногда – гибким котенком, беззаботным, игривым и тянущим за собой шлейф пряного запаха корицы. Как сейчас.

– Здравствуй, император, – она смеется над ним, колет словом и чуть отступает назад, заинтересованно наблюдая за реакцией.

Она всегда любила играть со смертными.

Латгардис лишь снова склоняет голову. Тьма разочарованно вздыхает, но в ее движениях, тягучих, словно патока, нет и следа грусти или недовольства. Она касается пальчиком его лица, заставляя посмотреть на себя. Император скользит взглядом по ее прекрасному лицу, минуя глаза – жуткие пасти первозданной Силы, жадные и безжалостные.

Девушка снова смеется, и в серебристом смехе слышится звон колокольчиков, качающихся на траурных повозках.

– Ты знаешь, зачем ты здесь? – короткое движение изящных рук – и на скуле набухает алая капля, драгоценным камешком скатившаяся вниз.

Не смотреть ей в глаза. Быть спокойным и покорным. Она любит играть – особенно с теми, кто забавен и глуп.

– Нет, – короткий ответ вязнет в темноте.

– Ты нужен моей сестре, – Тьма отступает и мягко улыбается.

– Сестре? – изумляется император, и темнота на мгновение расцветивается яркими искрами эмоций.

И он отворачивается, прикрывая глаза, когда Тьма озаряется невыносимым, режущим и обжигающим Светом. Спустя мгновение боль исчезает, а вспышка сменяется таким же шелковым и мягким струящимся серебром, как и чернила Ночи.

Перед ним стоит еще одна девушка. Она как две капли воды похожа на свою сестру, но светится изнутри, а белые туманные одежды чуть заметно кольшиутся, словно под дуновением ветра.

Свет должен согреть и успокаивать, нести облегчение измученным душам, но Она жжется и причиняет ему боль, поэтому Латгардис отступает назад, пытаясь укрыться от всепроникающих лучей.

– Терпи, – Тьма оказывается рядом, накрывая его, как плащом, и жалающие змеи света путаются в ночном саване.

– Объясни ему, – Свет коротко кивает сестре.

---

² Озеро Лаафер – самое глубокое озеро на территории Темной Империи. Считается, что внизу, на самом дне, Госпожа Ночь оставила камень, способный возвращать мертвых к жизни.

Голос ее резок и звенит, словно сталь на морозе.

– Хаос входит в этот мир, – девушка в черном улыбнулась своему последователю. – И твоя задача – остановить его.

Латгардис молчит, внимая каждому слову. Он знает – нельзя перечить, нельзя отказываться от того, что требуют от тебя изначальные Силы.

– Они извратили все то, что я им дала! – Свет разгневана, и ее ярость причиняет еще большую боль. – Они предали меня, продав свои души Хаосу и прикрываясь лживым светом!

– «Когда реальный враг исчезает, сознание начинает губительную войну против иллюзорного, и это станет началом конца, который перевернет сущность Мира», – Тьма придвинулась ближе, прикрывая его от лучей, подобных клинкам. – Старый маг был безумен, но мы направляли его руку. Мы знали, что Хаос вскоре захочет добраться до тварного мира, разрушить то, что мы с таким трудом создали. Такова его сущность. И мы будем рядом, когда наше оружие обретет свою силу, нужную для того, чтобы сохранить пошатнувшееся равновесие.

– Оружие? – Император чувствует, как сознание ускользает, а тело перестает повиноваться.

– Ты – наше оружие, дурачок.

И сознание гаснет, оставляя на память лишь пряный запах корицы.

***

Вэриний беспокоился. И хотя, если взглянуть на повеселевшего императора, казалось, что поводов для тревоги нет, то на сердце у чуткого советника было весьма беспокойно.

Латгардиса, наконец-то, оставила хандра. Молодой Темный Властелин с удовольствием общался с поданными, находясь под прикрытием безобидной личины, и простодушные жители Темных Земель и не подозревали, что этот искренний парнишка – грозный император. Впрочем, недовольных внутренней политикой Латгардиса было исчезающее мало. Мужчины, женщины и даже дети – все были предельно честны с любопытным путешественником – сказывалась кровь Темных Властелинов. Латгардис всегда был убедителен и способен вызвать на откровения даже самого упертого и недоверчивого человека или нелюдя. Рину такое удавалось разве что только с помощью орудий пыток. Хотя, надо признать, молодой император не брезговал прибегать и к крайним мерам в тех же темницах. Иногда его кровожадность заставляла нервничать даже привыкшего ко многому амисто.

Особенно ярко она проявлялась в те несколько дней, предшествующих Сумеркам – дню, когда солнце и луна одновременно появлялись на небосводе, и день превращался в ночь. Император становился зол, раздражителен и агрессивен, замыкался в себе, не подпуская даже своего друга. В Сумерки же вообще удалялся в старое крыло замка – прежние апартаменты императорской семьи, где нынче царило полное запустение, – и запирал тяжелые двери.

Замок в эти моменты стонал и содрогался до основания: пол под ногами ощутимо потряхивало, витражные стекла жалобно звенели, от старого крыла волнами расползлся удушливый жар, а все, находившиеся в замке, испытывали неподдельный и совершенно иррациональный ужас.

Рин понятия не имел, что происходило за закрытыми дверями. Да, он переживал за друга, но Латгардис появлялся на следующий день, целый и невредимый, в поднятом настроении и с улыбкой, блуждающей на тонких губах. Для амисто этого было достаточно, и он старался не лезть в те дела, куда ему настойчиво советовали не совать свой нос.

Таким он стал после того дня. Когда погибла Кэссия.

Эльф вздохнул. Забавная, веселая и невероятно шкодливая... младшая сестренка.

Тогда его послали заключить договор с Южными Островами, откуда в Темную Империю везли всевозможные ткани, пряности и зерно, которое южане продавали по низким и выгодным для обеих сторон ценам. Союз с островами давал возможность ввозить в Темную Импе-

рию необходимые товары из тех, что не производились в землях императора, по доступным для населения ценам. Благодаря разумной и осторожной политике страшные бунты, что охватывали не только Светлые, но и Темные земли в далекие времена, ушли в прошлое, и только в жутких рассказах, превратившихся в легенды, можно было услышать о том, как народ восставал против правителей.

Кровные родственники, особенно амисто, всегда чувствуют, когда погибает их родич. В тот момент, когда его скрутило судорогой, не давая двигаться, видеть и чувствовать, он понял, случилось. Договор так и не был заключен – он сорвался с места, прямо посреди переговоров, вызвав сначала недоумение, а потом и гнев Гильдии Купцов, рискуя навлечь на себя не только ярость отца, но и самого императора, под ведением которого находились все торговые договора. Но в тот момент он не думал ни о чем – ему было не страшно умирать, даже если разгневанный император осудит его. Потому что в этот миг он уже умер.

Только по прибытии домой он понял, что из императорской семьи выжил только Латгардис, которого защитила Кэссия ценой собственной жизни. Младшего брата, такого же пламенно-рыжего, как и Гард, четырехлетнего Райну, жестоко зарезали во дворе вместе с охраной, императора с императрицей отравили быстродействующим ядом змеи-коллиди, противоядия к которому так никому и не удалось найти.

Отец позже говорил, тусклыми, бесцветными глазами глядя на рыдающего над телом сестры Рина, что, когда нашли молодого императора и уже мертвую Кэссию, вокруг не было ничего живого – земля была выжжена на много метров вокруг, обнажая спекшуюся, потрескавшуюся поверхность и обезображенных, уродливых мертвецов в оплавленных остатках доспехов. Что здесь произошло – Латгардис так никогда и не рассказывал другу, но серо-зеленые глаза, смешливые, полные жизни, стали желтыми, словно холодное золото, расчерченными тонкой трещиной вертикального, нечеловеческого зрачка. А потом пришло безумие, пробуждающееся в императоре по мере приближения Сумеречного дня.

Именно Сумерки и заставляли эльфа нервно коситься на Гарда, невозмутимо восседавшего на жеребце и насвистывающего незамысловатый мотивчик себе под нос. Советник, конечно, рассчитал, что, если на пути не возникнет никаких досадных препятствий, они не только успеют вернуться в твердыню Ночи, но и в запасе останется еще несколько дней, однако тревога зрела с каждым днем, коварно притаившись у самого сердца.

Завтра они пересекут границу. И это было еще одним поводом для беспокойства. Ступив на Светлые Земли, случись что – им будет значительно сложнее получить поддержку Матери Тьмы, а их силы значительно ослабнут. Останется уповать лишь на собственное умение обращаться с оружием, да на благонадежность Светлых, гарантировавших полную неприкосновенность дипломатической миссии. А этому Рин не поверил ни на мгновение.

– Останавливаемся! – коротко приказал император, сворачивая к добротному трактиру, стоящему почти в самом центре крупной деревни.

Небольшой отряд послушно придержал коней. Воины вымотались и устали после перехода по «червоточинам», хоть Гард и старался рассчитать время перемещения так, чтобы отряд успевал восстановиться после предыдущего перехода. Но, как известно, планы планами, а реальность всегда готовит свои сюрпризы.

Амисто, досадливо нахмурившись и сразу же разгадав маневр Гарда, проворно и легко спрыгнул с кобылы, бросил поводья одному из подбежавших воинов, метнулся вперед и выловил за рукав собравшегося улизнуть в общей суматохе Императора. Он прекрасно понимал, что Гард засиделся в четырех стенах, разгребаясь с требующими немедленного решения делами и заскучав от добровольного заточения, а потому понимал, что стоит не уследить, и рыжеволосый мужчина воспользуется часами отдыха только лишь для того, чтобы найти неприятности на свою голову.

– Куда? – постучал он костяшками пальцев по лбу. – Ты не забыл, что это граница, а Светлые не очень-то щепетильны в вопросах ответственности?

– То есть ты считаешь, что я не в состоянии за себя постоять? – осведомился Гард, скорчив недовольную гримасу, однако прекрасно осознавая, что любой глупый поступок сейчас может повлечь за собой серьезные последствия.

Эльф промолчал, укоризненно глядя на друга. На языке вертелились только лишь язвительные гадости, за которые он мог схлопотать так, что до вечера не очнется, поэтому благо-разумный советник предпочел словам многозначительное молчание. Которое, кстати, на его друга действовало хуже, чем полнолуние на вервольфа. Но цапаться при всем честном народе император бы не стал, чем Рин бессовестно и воспользовался.

– Ну и Свет с тобой, – буркнул рыжеволосый мужчина и вошел в трактир, мстительно дернув дверь на себя так, что та едва не стукнула амисто по лицу.

Вэриний тяжело вздохнул, придержав створки, знаком приказал сопровождающим выставить охрану и последовал за императором.

***

– По тебе Бездна плачет, Гард! – возмутился Вэриний, глядя, как довольный скалящийся Император сгребает со стола выигрыш.

Латгардис, как и его советник, были под личинами. Обычные избалованные дети аристократов Темной Империи, путешествующие с отрядом в поисках приключений на все известные места. Император выглядел немного неуклюжим увальнем с простодушным веснушчатым лицом и ржаво-рыжими волосами. Голубые глаза смотрели на собеседников восторженно и доверчиво, вынуждая последних терять бдительность. И давая Гарду возможность не только мухлевать в игре в карты, но и вытягивать из своих невольных собеседников интересующие сведения – что с дурака-то возьмешь? Ему хоть план обороны Цитадели выдай, он через четверть час забудет, восторженно уставившись на молоденькую разносчицу. Император развлекался вовсю, корча из себя простофилю, а Рину оставалось только тихо ругаться про себя и подыгрывать другу.

Эльф сильно менять черты лица не стал, скрыв только острые кончики ушей, сменив цвет волос с белого на противоположный – черный, да сделав глаза карими. Сейчас он выглядел, благодаря смуглой коже, как уроженец Южных Островов, жители которых могли свободно перемещаться как в Светлых, так и в Темных Землях.

Советника уже несколько раз принимали за контрабандиста, пытаясь то сбыть с рук краденое (причем одна из безделушек показалась ему подозрительно знакомой, но вовремя вспомнить, где он ее раньше видел, Рин не смог, а потом было уже поздно), то купить настойку лисмы – одно из самых ходовых наркотических средств, вызывающее красочные галлюцинации, блаженную негу во всем теле и жуткие боли по окончании действия напитка. Рин уже сломал два носа, руку и выбил три коленные чашечки, взяв себе на заметку по возвращении прошерстить контингент приезжающих южан и выдрать эту заразу с корнем. Впрочем, советник прекрасно понимал, что свято место пусто не бывает, и прорехи в рядах контрабандистов и тех, кто сбывает дурманы, мгновенно затянутся другими желающими.

Проблемы доставлял и распоясавшийся император. Амисто, конечно, знал, что его друга постоянно тянет на неприятности, но играть в захудалом трактире в карты с личностями откровенно бандитской наружности – это уже перебор даже с его точки зрения. Или же Латгардис просто ищет повод подраться. Впрочем, такова природа всех темных.

– Рин, я ж не виноват, что ты так и не научился играть за все это время, – хохотнул император, подмигивая насупившимся проигравшим, и встал из-за стола. – На этом, господа, я вас покидаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.